

СМУТА

ЮРИЙ
Теплов

Юрий Дмитриевич Теплов

Смута

Серия «Миссия выполняема»

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44128335

Смута: Издательство Вече; М.; 2019

ISBN 978-5-4484-7956-4

Аннотация

Смута – это брожение больного государственного механизма. Так на Руси называли период экономического, политического и духовного кризиса. Именно в такой период происходят события, описываемые в этом романе. Они затрагивают время от начала перестройки до первого десятилетия XXI века. Если кто-то из читателей узнает в героях романа конкретных лиц российской политики, Вооруженных сил, криминального бизнеса и адвокатуры новой формации, то автор заявляет, что в основу сюжета положены не связанные друг с другом события.

Содержание

Часть первая. Большая разборка	5
Секретная структура	5
У каждого своя игра	24
Следы в никуда	54
Удавка для Советника	61
Год 1999-й. Президент	69
Частный сыщик	79
Адвокатское бюро «Уханов и партнеры»	90
Римские «каникулы»	137
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Юрий Дмитриевич Теплов

Смута

© Теплов Ю.Д., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая. Большая разборка

Секретная структура

1

Двадцать один год назад маршал, чей портрет красовался в каждой ротной ленкомнате, сказал стоявшему перед ним выпускнику спецкурсов:

– Вы зачислены в БД-7, капитан. Отныне вы Исполнитель воли государства.

БД-7 означало – Белая дача, седьмой участок. За ее мирным названием скрывалось самое засекреченное подразделение в стране Советов. Чем оно занималось – не знал никто, кроме нескольких человек. Но время от времени мир потрясали сообщения о несчастных случаях, происходивших с популярными на западе перебежчиками из Страны Советов, о внезапных государственных переворотах в странах третьего мира. Изредка на местах происшествий находили неопознанные трупы. Кто они – установить не было никакой возможности: ни документов, ни других признаков, которые бы говорили о национальности или хотя бы о принадлежности

к стране проживания.

Все Исполнители имели псевдонимы, офицерские звания и тройные должностные оклады, как участники боевых действий. Впрочем, их служба и обязывала действовать по-боевому...

Капитан показал свое умение ориентироваться в любой обстановке, дорос в воинском звании до полковника и стал командиром БД-7.

Псевдоним он заимел не по собственной фантазии. А после того, как вляпался со своими ребятами в заварушку на колумбийской границе. Тогда они сумели захватить у наркодельцов частный самолет. Машина была незнакомой. Он с трудом поднял ее в воздух, ушел от «стингеров» на бреющем и приземлился на Кубинском аэродроме, где базировалась советская эскадрилья. С тех пор и стал Пилотом.

Его заместитель, подполковник, выбрал псевдоним «Белый» сам. В те времена он был черноволос и гладок лицом. Теперь его голову украшала лобная лысина, а лицо походило на печеный блин...

Последний раз Пилот видел куратора БД-7 незадолго до форосского спектакля, в котором главным действующим лицом был последний генсек Союза по прозвищу Меченый.

Маршал сидел в кресле в рубашке без галстука, что само по себе уже было необычным. Китель с большой звездой на погонах небрежно был брошен на диван. Его хозяин, похоже, прихватил насморк, то и дело вытирал большим белым

платком покрасневший нос. Был озабочен, хмур. Говорил с паузами, будто ему тяжело было выталкивать слова:

– Все, Пилот. Вас нет, и не было. Ты и твои люди – пенсионеры союзного значения. Затаитесь и ждите... Если дождетесь... И еще, Пилот. Выбил для вас денежное содержание за год. Получи на всех... За службу спасибо... Свободен!

Через месяц маршал непутево и оттого загадочно ушел из жизни.

2

Пробездельничал Пилот год. Умотал в тихую Мордовию, где осталась на берегу речки Вад родительская изба и где упокоилась на местном погосте мать.

По местным меркам, был он человеком весьма состоятельным. Водку в сельпо закупал ящиками, игнорируя самодельную косорыловку. Угощал оставшихся не у дел деревенских мужиков. С их помощью поправил покосившуюся родительскую избу, перекрыл прохудившуюся крышу. Покрасил памятник и оградку на могиле матери. Привез из райцентра венки и цветы в горшочках и облагородил кладбищенский материнский приют.

Жить было можно. Спокойно, безбедно и размеренно. Он и жил так. Без газет и телевизора. Миниатюрный японский приемник настроил на музыкальную волну «Ретро» и делал нехитрую домашнюю работу под старые песни. По утрам то-

пил печку и ходил к колодцу за водой. Ставил на озере Имер-ка сети под лед и раздавал рыбу деревенским бабам. Те в благодарность носили ему молоко, яйца, картошку.

И судачили меж собой: откуда объявился пропавший сын тети Кули – Юрка? Бобыль али женатый? Мужик совсем еще молодой – как ему без женского догляда?.. Подослали к Юрке румяную доярку Райку: хомутай, мол. Пилот от Райки не отказался, мужское естество требовало свое. Но захомутать себя не дал, совместного проживания не позволял. Райка сама захомуталась и ублажала его, как умела...

Весной Пилот захандрил. Не по нему оказалась такая жизнь. Душа требовала действия, ей не хватало каждодневного напряжения и риска. Собрался он в одночасье. Колол для бани дрова и вдруг бросил топор. Зашел в избу. Переделся. Прихватил документы, деньги. И, не попрощавшись ни с кем, ушел пешком на станцию.

Утром он был в Москве, в нелюбимой своей холостяцкой квартире.

Наверстывая упущенную информацию, трое суток просидел у телевизора. В стране творилось черт-те что. Россию мордовали в открытую. Это выдавалось за достижение демократии. Казнокрадство преподносилось как государственная доблесть и называлось приватизацией. Тем, кому следовало сидеть в камерах, вещали в камеры телевизионные. Поливали грязью армию, спецслужбы и все, чем недавно гордились. Сколько же они – туды их в медь! – хапнули за свои стара-

ния! Тридцатью сребрениками тут не обошлось!

Каждый день кого-то отстреливали, брали в заложники. Американские делегации – даже по рожам было видно, что в них люди из Лэнгли – допускались в святая святых: на атомные и космические полигоны, на радиолокационные комплексы, в оборонные НИИ – куда раньше попасть было невозможно даже с допуском к особо секретным документам.

Окончательно вывело Пилота из себя заявление Президента: берите суверенитета, сколько проглотите! Это была труба, в которую вслед за Союзом могла пролететь и Россия. Бывший майор, ставший кавказским генералом-наместником, вещал об этом суверенитете как о манне небесной. Будто дьявол вылез из преисподней и устроил вселенский шабаш. Ведьмы и ведьмаки скакали вокруг королевского престола, на котором восседал самоуверенный русский мужик с Урала.

К исходу третьих суток Пилот вдруг увидел на экране знакомую физиономию. То был его сокурсник по высшей школе, но почему-то в милицейской форме. А на беспросветных погонах поблескивали две шитых звезды. Ни хрена себе рост – до генерал-лейтенанта! Хотя в курсантах ничем особым не выделялся, разве что играл в самодеятельном оркестре на гитаре и душевно исполнял хохлацкие песни. Теперь вот, оказывается, главный борец с организованной преступностью.

На вопросы усатенького телеведущего борец отвечал до-

вольно толково. Рассказал, как его подчиненные обезвредили банду рэкетиров, обиравших водителей-дальнобойщиков на подступах к Москве. К месту упомянул Жеглова из фильма и его фразу: «Бандит должен сидеть в тюрьме!»

Тут только Пилот вспомнил его имя и фамилию: Миша Кличко.

Утром он позвонил дежурному по МВД. Номера телефона тот не дал. Пообещал доложить о звонке генералу.

Звякнул генерал-однокашник в обеденный перерыв:

– Рад тебя слышать, бродяга! Прошел слух, что тебя шлепнули в какой-то горячей точке.

– Слух сильно преувеличен, Мишаня.

– Значит, долго будешь жить... Ты не против, Юр, снять стресс в приличном заведении?

– Поздравляю тебя с двумя звездами! – погладил его по голенищу Пилот. – И надеюсь, что это еще не вечер.

– Ха! Полдень! Ну, что, пообщаемся?

– Пообщаемся.

– Значит, сегодня. В девятнадцать ноль-ноль. В Доме журналистов годится?

– Туда же только газетчиков пускают.

– Отстал от жизни, Юрок. Всех пускают, у кого бабки есть. Потом не забывай о моей должности – любая дверь открыта...

Кличко прибыл на черной «Волге» с мигалкой и антенной. Был он в генеральской форме с пятью рядами наград-

ных колодок. Швейцар встретил его с поклоном и Пилота не обделил почтением. Мэтр проводил их в отдельный кабинет, где уже был накрыт на двоих стол.

Пили коньяк. Закусывали семгой с лимоном.

– Неужели тебя на пенсию отправили? – спросил Кличко.

– Отправили, Миша.

– Пойдешь ко мне? На убойный? Те же три звезды для начала, те же льготы.

– Воздержусь пока. Разберусь, что вокруг творится.

– Наше дело простое и четкое, как оплеуха: бандит должен сидеть в тюрьме.

– И сажаете?

– Сажаем, Юрок. И будем сажать. – Он заметно пьянел, с каждой новой рюмкой становился резче и увереннее. Даже значимее. – Вот-вот, Юрок, начнутся разборки между курносыми и зверьками. Тут нам и карты в руки.

– Кто такие зверьки и курносые?

– Зверьки – черные с Кавказа. Всю Москву заполонили. Главарь у них чеченец по кличке Сэм, закончил Плехановку. Его подручный полный беспредельщик, клейма негде ставить, погоняло – Дарьял. Есть еще Рубик из Кутаиси... Курносые – тоже уголовники. Но свои, доморощенные. Кличка пахана – Туз. Законник, рулит по старым воровским понятиям. Те и другие болт забили на правоохрану.

– Что же вы их не возьмете? Есть же СОБРы, ОМОНЫ?

– Взять-то можно. Только не за что. Сами рук не марают,

нигде не засвечиваются... Так-то вот, Юрок... Ну, давай еще по одной!

Выпили, закусили. Заказали еще бутылку. В голове у Пилота провернулись не утратившие смазки мозговые шестеренки. Забрехала смутная идея. Ее стоило осмыслить и закольцевать.

– Не пойму я, Миша. Вам координаты Сэма, Дарьяла, Туза известны?

– Все известно: и адреса, и телефоны. Но сейчас не старые времена. Возьмем – в дерьме окажемся. Придется отпустить и извиняться. Иначе адвокаты и пресса с говном смешают: нарушили права человека. А вот когда начнут друг друга мочить – мы их с поличным. И потянем за цепочку.

– Ты можешь мне дать телефоны главарей? Есть мыслишка. Обмозгую и приду к тебе с готовой идеей.

– Идей, Юрок, хватает. Нет толковых исполнителей. Своей команды нет у меня, потому и сватаю тебя... Телефоны, говоришь?... – Он достал из внутреннего кармана кителя тонкий, как фанерка, сотовик в коже. – Записывай!

– Запомню.

– Забудешь по пьяни... Ну да хрен с тобой, запоминай...

Они трапезничали еще не меньше часу. Разговор закрутился вокруг извечного женского, тем более что их обслуживала длинноногая, узкобедрая блондинка с кукольным лицом. Пилот поддерживал треп автоматически. Идея в голове уже оформилась и звучала как задание: ввязаться в раз-

борку курносых и зверьков. Поддерживая одних, валить без жалости других. Чем меньше их останется, тем легче станет дышать. Довод ему казался чистым и убойным, как спирт-ректификат...

На другой день Пилот позвонил Тузу.

– Здравствуй, Туз!

– Ты кто? – ответил абонент сиплым голосом.

– Нужный тебе кадр. Хочешь увидеться – назначь встречу.

– Может, и нужный, коли мой номерок срисовал. Я твой – тоже.

Стрелку ему назначили в корейском ресторанчике. Небольшой зал был опрятен и пуст. Старый кореец провел его в отдельную кабину. Там сидел бледнолицый, с голым, как бильярдный шар, черепом и глубоко посаженными черными глазами мужик, упакованный в строгий английский костюм.

– Присаживайтесь.

– Я хочу видеть хозяина.

– Я не похож на хозяина?

– Вы похожи на его юриста.

– Угадали. Кто вы такой?

– Мне нужен Туз.

Шторка отодвинулась, в кабину протиснулись двое в распахнутых кожанках. Пилот сразу засек, что один, закрывший выход, держал в объемном кармане ствол. Второй зашел за спину, ошмонал, доложил:

– Пустой.

Пилот не взял бы в «семерку» ни того ни другого. Он мог бы вырубить обоих, толкнув стол на Черепа, но нужды в этом пока не было. Он лишь произнес:

– Невежливо.

– Береженого бог бережет, – откликнулся Череп.

«Кожаные» вытиснулись из кабины, и появился Туз. Был он худ, сутул и сед, с провалившимися щеками и чутким, кривоватым носом.

– Ну, лепи, чем ты мне нужный, – произнес, усаживаясь напротив.

– Пусть юрист выйдет.

– У нас секретов нет.

– У меня есть.

Туз показал кивком на выход. Череп с достоинством удалился.

– Лепи! – повторил. – Из какой ты конторы?

Светить «Белую дачу» было нельзя, хотя она уже приказала долго жить. Пилот еще до встречи решил сослаться на всем известную «Альфу», которую расформировали за отказ штурмовать Белый дом.

– Про «Альфу» слышали?

– Крутая контора.

– Я из этой организации, остался без работы. Могу помочь в разборке со «зверьками».

Откинувшись, Туз долго и внимательно его разглядывал.

Наконец спросил:

- Какое звание имел?
- Полковник.
- Полкаш, значит.
- Не Полкаш, а Пилот.
- С самолетами имел дело?
- Приходилось.
- Что еще умеешь?
- Все умею.
- Теперь колись, кто тебя ко мне подослал?
- Сам пришел.
- А мой номерок кто тебе дал?
- Менты. Кто конкретно, не скажу.
- Проверю. Жди маляву либо гроб...

3

Через полторы недели Пилот возглавил службу безопасности коммерческого банка, где председателем правления был Череп, а Туз – одним из учредителей и фактическим хозяином. Отыскал по старым адресам Белого и Акинолоса, маявшихся от безделья. Предложил работать вместе. Они восприняли предложение как очередное задание: ни колебаний, ни сомнений – готовность номер один.

Поселили бывших Исполнителей воли государства в казарме зенитно-ракетного дивизиона, расформированного в

годы перестройки. Военный городок на окраине Москвы оказался бесхозным. Туз взял его у властей в бессрочную аренду и перестроил его по своему усмотрению. Казарма превратилась в усадебный дом с комфортными квартирами. Челядь, то бишь боевики Туза, располагалась здесь же, на базе, но в другом здании...

Сэма Акинолос снял во время пикника. Дарьяла завалил, когда тот выходил в окружении телохранителей из кафе «Терек». Рубик получил свою свинцовую порцию от Белого во время разборки с коптевскими. Никто из них не понял, что киллер стрелял с дерева в пятистах метрах. Кровь потребовала крови, и обе группировки принялись мочить друг друга...

Бандитские разборки были для Пилота ровно хлеб с маслом в голодный год. Он организовывал ликвидацию авторитетов в уверенности, что делает полезную работу. Однако понимал, что это хоть и болезненные для криминалитета, но все равно лишь укусы. И все же Пилот был доволен тем разбродом, что возникал после ликвидации главаря. Даже когда пахан объявил отстрел конкурентов из «курносых», возражения у бывшего полковника это не вызвало.

Заноза скребанула Пилота по сердцу, когда в разборки влезла политика в лице советника президента по прозвищу Красавчик. Больше того, через неделю Туз сказал Пилоту:

– Вычитал я в одном журнале про жука-шпиона. Можно запустить жука к любому окну и слушать, о чем в помещении

базарят. Сможешь раздобыть?

– Не знаю.

– Узнай. И раздобудь за любые бабки.

– Кого вы собрались подслушивать?

– Главного авторитета у галстучных отморожков.

Пилот понял, что Туз имел в виду Президента. Много было дадено ему от рождения. Выучить бы в свое время будущего пахана, думал он, определить на государеву службу – умный ведь мужик, с царем в голове. Министром бы уж точно стал, если не выше. Создал же свою нелегальную империю. А теперь вот до президента решил добраться. Это уже не просто политика, а большая политика.

Пилот не любил Президента. Однако играть в политические игры ему совсем не хотелось. Но деваться было некуда.

Он приобрел пару жуков в одном из бедствовавших оборонных НИИ.

Первый опыт съема информации оказался неудачным, хотя и Пилот, и Белый изучали новинку под названием «Слухач» еще в бурсе. И даже использовали его на практике. Однако в этот раз что-то не заладилось. На экране появлялась и пропадала белая метель, а в наушниках звучали хрипы и шипение. Похоже, шпионская наука за последние годы шагнула далеко вперед. Аппаратура стала вдвое компактнее. Им явно не хватало знаний и умения.

На следующий день Пилот позвонил ученому-полковнику, через которого и раздобыл хитрого жука.

– Не работает, туды его в медь! – сообщил.

– Мозги у вас не работают, – отпарировал тот.

– Пришли кого-нибудь с мозгами и не болтливого.

– Есть у меня один старлей. Шаман в этом деле. Куда и когда прислать?

– Сегодня в 18.00 заберу его у вашей проходной.

– Надеюсь, ты ему заплатишь за труды? Парень жениться собирается.

– Не беспокойся, не обижу...

Старлей не походил на шамана. В китайских джинсах и кроссовках, в синей ветровке с капюшоном, он выглядел вечным студентом.

– Старший лейтенант Деев. Я в вашем распоряжении, – доложил. И через затянувшуюся паузу неуверенно добавил: – За сто долларов.

«Как же дешево ты ценишь свои мозги, шаман, – подумал Пилот. – Совсем замордовали офицеров».

Пилот привез старлея в свою усадьбную квартиру на базе. Белый был уже там. На столе, занявшем площадь вдоль глухой стены, была расставлена аппаратура «Слухача».

– Приступайте, – велел старлею Пилот.

Тот достал из брезентовой сумки черный плоский чемодан.

– Имитатор объектов, – пояснил.

Покрутил колесико кодового замка, щелкнул зажимами и располовинил чемодан, словно развалил вдоль хлебную бу-

ханку. За малое время справился с множеством проводов и проводков – все их загнал в гнезда на панели управления.

– Садитесь за экран, – предложил Пилоту. – Наденьте наушники. Видите, на желтом плато клавиши и два регулятора настройки? Красная клавиша – блокиратор помех, зеленая – разблокирование.

В первых моделях «слухача» желтого плато не было, как не было и боковых тумблеров с разноцветными глазками.

– Нажмите зеленую клавишу, – инструктировал старший лейтенант полковника. – Блокиратор отключен. Выбирайте объект из предложенных имитатором... Теперь нажмите «пуск»... Вот он, «слухач», метка в правом углу...

– Достаточно, – остановил старлея Пилот. – Далее сам. Если что не так, тормозните.

Все было как надо. Информация снималась видовая и слуховая. Но то – с имитатора. А как поведет себя аппаратура в поле?

– Садись, Белый, – уступил Пилот место заму.

Старлей начал было объяснения по новому кругу, но Белый тормознул его жестом. В качестве объекта выбрал ратушу, напомнившую ему Дрезден. В наушниках послышалась немецкая речь... Когда закончил считывать информацию, услышал растерянный голос шамана-электронщика:

– Вы же сами все знаете!

Видимо, засомневался в том, что получит свои сто долларов.

– Свой гонорар вы отработаете, – успокоил его Пилот.

– Что я должен сделать?

– Внизу стоит локационный кунг в камуфляже. На нем надпись «Продукты на дом». Установите в нем оборудование и подготовьте к работе. В 21.00 совершим загородную прогулку... Устраивает?

– Так точно...

К резиденции президента подъезжать не стали. С интервалом в пятнадцать минут ее обходили парные патрули из службы безопасности.

Припарковали фургон метрах в двухстах, на щебеночном пяточке.

– Какой объект? – спросил шаманивший с аппаратурой старлей.

– Сам выведу, – ответил ему Пилот. – За пульт сядете, если произойдет сбой.

Рабочие апартаменты Президента были на втором этаже. «Слухач» завис у одного окна, у второго, у третьего. Кроме белой метели на экране и треска в наушниках, ничего не было.

Пришлось уступить вращающееся кресло старлею. Тот загнал метку в правый нижний угол. Пробежался длинными пальцами по панельной клавиатуре.

– Система защиты самого высокого класса, – сообщил. – Ограду, помимо телевизионных установок, контролирует

инфракрасный луч.

– Нам это известно, – прервал его Пилот.

Он знал и саму систему, и то, как ее нейтрализовать. В оборонном НИИ, не в том, где служил старлей – в другом, был разработан компактный приборчик, фиксирующий частоту луча и вырабатывающий на этой частоте свой, точно такой же. Прыгай через ограду – никакой тревоги не будет.

Прыгать они с Белым не собирались.

– Что с окнами? – спросил он старлея.

– Все под надежной защитой.

– Взломать ее можно?

– На это потребуется время и дополнительная аппаратура... Есть! – вдруг воскликнул он. – Три окна на верхнем этаже чистые.

Там находилась спальня дочери Президента. Принцесса тоже была напичкана дворцовыми тайнами. Пожалуй, даже в большей степени, чем отец.

Пилот тронул старлея за плечо, показывая, чтобы тот перебрался на откидное сиденье.

– Цель в зоне захвата, – буднично доложил сидевший в кресле дублера Белый. – Слышимость – норма.

Пилот надел наушники.

– ...Ты мне душу не трави, Столбович, – прозвучал в наушниках женский голос. – Кто тебе нужен? Я или Президент?

– Тома! – с укоризной ответил мужчина. – И спросить у

тебя ничего нельзя!

– Я сама скажу, когда отец решит с преемником. Пока сомневается.

– Между прочим, я тоже не уверен в Стрельце.

– Зато Березович уверен. Значит, просчитал варианты.

– Ты даже не знаешь, Том, сколько раз он прокалывался.

– Зато имеет нюх на деньги.

– Но не на людей. Он даже дурака Красавчика прочил в преемники.

– Ненашина не трогай, Столбович.

– Сердечко екает?

– Не делай вид, что ревнуешь.

– Но ты продолжаешь встречаться с ним.

– Встречаюсь по делу.

– Разве с ним можно иметь дела? Он свою партию уже отыграл...

Ничего интересного Пилот больше не услышал, так, женские штучки-дрючки.

– Сворачиваемся! – приказал.

Когда «Слухача» загнали в «гараж», старлей не удержался, спросил:

– Чья это крепость была?

– Не грузи себя проблемами, – буркнул в ответ Белый. – Меньше знаешь – дольше живешь.

Пилот сгладил его намек:

– Крепость принадлежит плохим людям. Фамилии вам

знать не обязательно.

– Да я просто так... Защиту профессионал ставил.

– Вы тоже профессионал, старший лейтенант. Ваши мозги и знания стоят дороже, чем вы их оцениваете... Белый, выдай ему за труд.

Старлей обалдело глядел на десять стодолларовых купюр, оказавшихся в его руках. Даже лишился на какое-то время дара речи. Наконец голос прорезался:

– Это что? Все мне?

– Тебе, тебе, – усмехнулся Белый.

– Вот что, шаман Деев, – произнес Пилот, – пойдешь к нам работать?

Тот недоуменно оглядел обоих. Хотел о чем-то спросить, но не решился.

– Зарплата, как сейчас получил, – подсказал Пилот, – и премии.

– Пойду.

– Но с армией придется распрощаться. Возможно, временно.

– Согласен.

– Ты говорил о дополнительной аппаратуре, чтобы взломать самую сложную защиту.

– Есть такая. Даже в нашем НИИ. Ею хакеры пользуются.

– Напиши на бумажке, как она называется...

У каждого своя игра

1

Норковое манто сползло с плеча Соловьевой. Отвисшие щеки подрагивали в такт словам. И подрагивали арбузные груди. Адвокат глядел на нее, расплывшуюся, намакияженную, с блеклыми глазами-бусинами, утонувшими в глазницах – глядел и не мог взять в толк: как же ей удавалось оболванить многие тысячи людей.

– Я за свое отвечу, – сказала Соловьева, сглатывая окончания слов. – Да, жила, как королевшна. С артистами тусовалась. И сама жила, и другим жить давала. А все одно – крошки перепали. Куски бугры расхватывали! Всех заложу!

– У вас нет никаких доказательств, Валентина Федоровна.

– Не допытывайся, адвокат! Видно Красавчик хорошо тебе заплатил, раз так стараешься.

– Я и вам хочу помочь.

– Все вы заодно. И ты с ними, господин хороший!

– Моя фамилия – Уханов. Для вас я – Борис Аркадьевич.

– А мне без разницы. Ополчились на бабу – крайнюю нашли! Да ихний начальник сам у меня процентами кормился! – «Проценты» она произнесла с ударением на первом

слоге. — А ваш Красавчик меня на даче прятал, когда в розыск объявили. Он и паспорт с турецкой визой выправил. Да видно, что-то не так сделал, захомутали в аэропорту.

Из-за Красавчика по фамилии Ненашин адвокат и добился свидания с Соловьевой. Ненашин был советником президента и, по слухам, постельным дружком его дочери. Дружка долбали и правые, и левые. Думцы то и дело выдергивали советника для объяснений. Особенно доставалось ему за связь с финансовой пирамидой «Мальвина», которой рулила мадам Соловьева. Но захимичился, заврался даже перед своим адвокатом.

Однако адвокат нутром чуял, что «Мальвина» обирала дураков с благословения советника. И если у Соловьевой есть какие-либо доказательства, они рано или поздно попадут в руки следователей. Тогда суд, и проигранный процесс. Проигрывать он не собирался, просто не мог этого допустить. Мало того что существенно уменьшился бы гонорар — лопнула бы репутация, которую он взращивал правдами и неправдами.

Опасные улики требовалось нейтрализовать, потому он сам решил пообщаться с Соловьевой, что было совсем непростом: Лефортовская тюрьма считалась неприступной для посторонних. Но универсальная долларовая отмычка и тут помогла открыть железные двери.

— Ваши слова, Валентина Федоровна, — вкрадчиво сказал он, — можно квалифицировать как оговор.

– Не держите меня за дуру! Мои доказательства на бумаге. Записочки, самолично им написанные: тому – столько-то наличными отгрузить, другому – столько зелеными... В надежном месте мои доказательства! Где – скажу только на суде. А если что со мной случится, подруга знает, куда их передать. Приедет в Москву и передаст. Я за это ей хорошие бабки отвалила...

Ее щекастое лицо с тусклыми бусинами-глазами вдруг слезливо сморщилось.

– Пускай Красавчик вытаскивает меня отсюда! Не то – хуже будет! Так и передай господину советнику!..

Уже стемнело, когда проходная Лефортовского каземата вытолкнула адвоката на улицу. Шофер Миша ждал его на улице Солдатской.

Они ехали по сверкающей огнями Тверской. На «Пушке», у «Макдоналдса», проходил ежевечерний развод проституток. В милицейских кругах поговаривали, что и Соловьева начинала свою карьеру на Пушке. Сегодня она открыто занималась шантажом. Рассчитывала, что адвокат передаст ее угрозы бывшему покровителю. Надеялась, что тот вытащит из-за решетки. Скорее уж подтолкнет, чем вытащит.

Кое-что он все же узнал. Записки действительно существуют, хотя клиент и не признавался в том. Какой бы хитроумной Соловьева себя не считала, а информацию выложила. И отнюдь не намеренно, а по бабскому недомыслию. Записок в Москве явно нет. Всего скорее они у кого-то из

прежних подруг в Тверской губернии. Придется бородатому сыскарю Степке Вовочкину прошерстить ее лихославльских знакомых.

С Вовочкиным они приятельствовали еще с Магадана.

Там все знали адвоката под родной фамилией – Кузнецов. А в Москве знают только знакомые. Уханов тоже фамилия не чужая, досталась от предков.

– Шеф, нас пасут, – вдруг сказал Миша. – Серый «вольво» на хвосте. Я еще у «Пушки» засек.

На Садовом кольце было светло, как днем. Вглядываясь в зеркало, Кузнецов попытался определить «пастуха».

– Сбавь скорость, Михаил.

Миша нахально перестроился в правый ряд, сбросил скорость до сорока. Тут Кузнецов и разглядел «вольво». Что за преследователи? Откуда взялись? Не клиент же их послал!.. Или кому-то он перебежал дорожку?

– Отрываться? – спросил Миша.

– Рискни.

Тот набрал скорость и через пару минут резко крутанул вправо. В переулке было темно, как в дымогарной трубе. Миша вырубил свет и, не доезжая до освещенного перекрестка, въехал в какой-то двор как раз в тот момент, когда сзади полоснули фары. Кузнецову показалось, что заехали в тупик. Но Миша, бывший таксист, знал московские улицы, как собственную ладонь. Впритирку проскочил между гаражами, выехал в проулок. Еще дважды уходил вправо, пока не

выскочил снова на Садовое кольцо. Теперь «вольво» болтался где-то впереди.

Кому и что понадобилось? Информация? У следователя ее всегда больше... Тактика защиты на вероятном процессе? Она интересна только прокуратуре... Или это те, молодые и наглые, что три дня назад появились в его офисе? Пропуск им никто не заказывал, но они как-то миновали кордон вневедомственной охраны.

– Борис Аркадьевич, – сказал один, с голым черепом. – Есть конфиденциальный разговор.

Клиенты почти всегда начинали с просьбы о конфиденциальности. Кузнецов выпроводил секретаршу. Сам же незаметно нажал кнопку под столешницей. В соседней комнате включилась записывающая аппаратура.

– У нас к вам деловое предложение, – сказал Череп.

– Слушаю.

– Вы – юридический консультант советника Президента. Нас интересует все, что вы знаете о его связях с «Мальвиной». Информация будет хорошо оплачена.

К деньгам Кузнецов относился очень даже уважительно. Они давали независимость и комфорт – то, чего не хватало ему во времена, когда все были равны и похожи друг на друга, словно серые мыши. Тогда мозги были дешевыми, как кефир, а информация, какой бы важной она ни была, вообще ничего не стоила.

Первые шальные деньги Кузнецов получил, когда защи-

тил в Королевском суде Великобритании скандально известного русского бизнесмена Артема Золотова. Тот и в Англии ухитрился делать деньги из воздуха. Освободившись от обвинения, гроссмейстер черной экономики отстегнул адвоката по-купечески: и на джип, и на элитные хоромы с евро-ремонтom. Позже Кузнецов сообразил, что продешевил, за-просив в качестве гонорара несусветную, как поначалу ка-залось, сумму. Клиент заплатил бы, не моргнув глазом, и вдвое больше, и ничуть не обеднел бы при этом.

Опыт подсказывал ему, что от человека с головой-чере-пом сильно тянет не только деньгами, но и опасностью.

– Кого вы представляете? – спросил Кузнецов, чтобы вы-играть время.

– Пока это не имеет значения. Назовите сумму, которая вас устраивает.

– Молодой человек, как вы думаете, во что превратится довольно-таки преуспевающий адвокат, если он станет тор-говать интересами своих клиентов?

– Не клиентов, Борис Аркадьевич, а одного-единственно-го клиента.

– А моя репутация? Клиенты станут шарахаться от меня.

– Клиентуру мы вам обеспечим.

– И как отнесетесь к тому, что я стану продавать ее сек-реты?

– Подловили, Борис Аркадьевич! Мы с вами мыслим оди-наково.

– Совсем не уверен в этом. До свидания.

После их ухода Кузнецов отключил аппаратуру. Прослушивать запись не было необходимости. Разговор много времени не занял и отложился в памяти.

Он давно понял, что криминальным миром заправляют не дураки. Они быстро усвоили новые правила игры, создали свою властную вертикаль, так бездумно разрушенную новой государственной властью. Застойный «гоп-стоп» сменился уголовщиной цивилизованной, с офисами, собственными службами безопасности и отлаженной компьютерной сетью. Всех, кто стоял на дороге, покупали или убивали. На адвокатов не покушались. С адвокатами дружили. Сегодняшний «вольво» на хвосте никак не походил на проявление дружеских чувств...

На Большой Дорогомиловской Миша развернулся, лихо зарулил под арку и притерся к подъезду. Дом напоминал букву «Г». Оба отростка буквы продолжал ажурный металлический забор с шипами наверху, образуя просторный закрытый двор с липовым сквером в центре.

Заверещал мобильный. На связь вышел бородатый сыскарь Вовочка.

– Ты где, Борис? – спросил.

– Во дворе своего дома. А ты, Вовочка, где?

– Возле кольцевой. У меня непонятки.

– С банкиршей?

– С ней. Кто-то нас рисует.

- Сумеешь кинуть без проблем рисовальщика?
- Кинуть сумею. Насчет «без проблем» – как получится.
- Постарайся. И сразу ко мне.

Непонятки для Вовочки, то бишь для частного сыскаря Степана Вовочкина, начались сразу после того, как он, измочаленный до звонкости, вышел из коттеджа юной вдовы-банкирши. Три месяца назад ее кривоногого и пузатенького мужа взорвали в шестисотом «мерсе» вместе с охранниками, и к бедной вдовушке повадились барабашки. Для избавления от такого кошмара она и наняла детектива. Договор на охрану заключила на месяц и платила каждую пятидневку из расчета триста долларов за сутки.

У Вовочкина было круглое, губастое и курносое лицо деревенского мужичка. Потому Кузнецов и называл его Вовочкой. Он еще в Магадане посоветовал ему отпустить бороду для солидности, что он и сделал. Лицо удлинилось, солидности добавилось, а обманчивое простодушие осталось. Бугры бицепсов скрывала тогда ментовская форма с двумя звездочками на погонах. Теперь они маскировались под неброским, но весьма недешевым костюмом спортивного покроя...

Вышел он сегодня на перильчатое крыльцо коттеджа, обещал взглядом двор с усадьбой. Увидел приткнувшийся к соседскому забору «пежо» цвета металлик. Чем-то не понравился ему автомобиль. В нем явно кто-то находился.

Вовочка постоял, дожидаясь вдовицу Елену. Она выплы-

ла из окантованных медью дверей, ухоженная, упакованная в розовую кожу и свеженькая, ровно бы и не было бессонных суток.

– Не крути головой, – сказал ей Вовочкин. – Обними меня и погляди на машину у деревянного забора. Тебе знаком этот «металлик»?

– Первый раз вижу, а что?

– Давай ключи от гаража. Выезжай первой. Я погляжу, как будет себя вести «пежо». Через минуту выеду за тобой.

– Как интере-есно! – Ресницы, вспорхнув, замерли в верхнем положении, в круглых синих глазах зажегся азарт. Достала из сумочки ключи, сунула ему в руки.

Она выехала на двухместном «ягуаре». Секунд через двадцать заурчал мотор «пежо», и машина лихо скакнула вслед за вдовушкой.

Вовочка вывел из гаража свой «москвич» и направил его между домами к асфальтированному шоссе.

Его подопечная ехала, беспечно удерживая руль одной рукой. Водитель «пежо» то приближался вплотную к «ягуару», то оказывался метрах в трехстах позади. Вовочкин уже не сомневался, что вдовушка кого-то заинтересовала. Всего скорее, примитивных грабителей, решивших поживиться за ее счет. А поживиться было чем: побрякушками с брюликами она была увешана, как новогодняя елка.

Маршрут Елены он знал, потому пропустил вперед себя еще и «газель». Он даже испытывал удовлетворение, что стал

наконец-то заниматься своим делом. До этого вся забота о подопечной сводилась к изнурительному сексу. А в перерывах терпел ее постоянные «милашка», «очаровашка» – так и казалось, что она вот-вот назовет его «какашка». И вот что-то прорезалось. Может, и в самом деле за ней следят? Может, по ночам шастают живые, а не придуманные барабашки?..

Пожалуй, Вовочке повезло, что в Москве пути его и Кузнецова снова пересеклись. Магадан, где они приятельствовались с адвокатом, – это молодость и куча глупостей. Там лейтенант Степан Вовочкин ухитрился размотать такой икряной клубок, что вызвал сильное негодование начальства. И своего, ментовского, и обкомовского. Подсказок он слушать не захотел. Пер напролом, пока не уткнулся лбом в стену. Дела на главных фигурантов «икряного цеха» сгорели при случайном пожаре. На скамью подсудимых попал лишь могучий бородатый рыбак с библейским именем Авраам. Вовочка попросил Кузнецова взять на себя его защиту. Адвокат развалил обвинение. Год условно Аврааму и на доследование – в отношении других обвиняемых – такой приговор не могли простить ни оперу, ни адвокату.

Первого поперли из милиции за превышение служебных полномочий. Второго исключили из магаданской коллегии адвокатов «за нарушение этических норм». Вовочкин свалил добровольцем в Афганистан. После вывода войск осел в Москве, за которую чуть раньше зацепился и Кузнецов. Так и оказались оба колымских изгнанника в столице.

Перестройка и последовавший за ней всероссийский бардак не дали им утонуть в омуте многомиллионного города. В мутной воде всегда много корма...

Все три машины между тем добрались до Нового Арбата. Юная вдова лихо зарулила в проулок, чтобы подъехать к банку с тыла. За ней – «пежо».

Вовочка припарковал свой «москвич» прямо на проспекте и направился во двор. Елена оставила свою спортивную таратайку, заехав на тротуар. «Пежо» стоял метрах в десяти впереди. Из него вывалился квадратный, похожий на флакон мужичок. За ним глистовидный водила. Оба направились к «ягуару». Водила сманипулировал руками, похоже, отключил охранную систему. Флакон юркнул в салон «ягуара», шофер залез в свою машину.

«Угонщики», – решил было Вовочкин. Однако непонятки крутнулись на новый оборот. Он услышал щелчок автомобильной дверцы. Из «пежо» выскочил водила. Подбежал к «ягуару». Распахнув дверцу, громко прокудахтал:

– Флакон! Тебя Полкаш требует! Сказал, если через двадцать минут не нарисуемся в бункере, уши сбреет...

2

Флакон переминался с ноги на ногу, шаря глазами по белой стене. На Полкаша, сидевшего за массивным дубовым столом, не взглядывал.

– За кем следили? С какой целью? – спросил тихо, но в голове Флакона голос его отозвался как удар в рельсу.

Говорили, что тот может дать по мозгам гипнозом. А заточенной монетой с трех метров ухо отхватить. Глист трепался, что уже трое без ушей по Москве шастают.

– Я это... – промямлил Флакон. – К телке ехал. В натуре.

– А банкирша при чем?

«Про банкиршу узнал!» – ахнул Флакон.

– Ну? – подстегнул тот. – Только не врать, Мухоморов!

Флакон вздрогнул, услышав свою фамилию. Он уже давно отвык от нее, еще с первой ходки к хозяину.

– Брюликов на ней навалом, – выдавил из себя.

– Выкладывайте по порядку!

Спотыкаясь на каждом слове, опасаясь соврать, Флакон выложил все.

– Что за человек был в ее коттедже? – не удовлетворился его рассказом Полкаш.

– Хахаль. Обжимались на крыльце.

– Как он выглядел?

– Фраер с бородой. Хлипкий.

– Куда он делся?

– В доме остался. Она одна поехала. Мы с Глистом до банка ее вели.

– Дурак вы, Мухоморов! – Флакон опять вздрогнул. – Он сидел у вас на хвосте. И номер вашей машины засек.

– Так мы... Тачку у одного лоха... Он в Турцию поканал...

– Вбейте себе в голову: никакой самодеятельности, если не хотите остаться без ушей.

«Уши» добились Флакона, даже голос у него сел:

– Я в самодеятельность того... и на зоне в хор не ходил. Хозяин бункера глянул на него, будто плюнул на макушку.
– Банкиршу оставьте в покое. Сейчас она под нашей крышей.

– Я это... не в курсах был. Век воли не видать!

– У меня вам воли не будет... Вон с глаз моих!..

Оставшись один, хозяин кабинета-бункера нажал кнопку селектора.

– Зайди, Белый.

Бесшумно распахнулась незаметная постороннему глазу дверь. К столу шагнул и уселся в кресло друг и соратник. Разница в их возрасте и званиях давно стерлась. Как осталась в прошлом и государева служба. Но субординация осталась, и привычка называть друг друга псевдонимами сохранилась.

– Вот что, Белый. Перехваченный разговор адвоката с каким-то Вовочкой настораживает. Возьми-ка его на всякий случай под колпак.

– Без проблем, – слово «проблемы» было самым ходовым в лексиконе Белого.

– Кстати, как вдова реагировала на смерть мужа?

Белый еле заметно усмехнулся:

– Как птичка, вырвавшаяся из клетки.

– Н-да... Ее татарин был из отморозков. Шестерых заасфальтировал, пока вылез в банкиры. Удивляюсь я, Белый, тому, что недоучки банкирами становятся.

– Наш Туз – тоже из недоучек.

– Не скажи. Туз самообразовался. Самородок. Что у Акинолоса?

– Выжидает. Адвокат домой не торопится.

3

Кузнецов сидел в джипе. Что хотел увидеть и чего дожидался – не знал и сам. Вдоль подъездов проползла черная «Волга» с внучкой давно ушедшего в мир иной усатого маршала-конника. Дом был предназначен для старосоветской элиты, которую активно вытесняли новорусские демократы. У соседнего подъезда мягко урчал «мерс» Ненашина.

Квартиру в этом доме адвокат купил год назад на деньги Артема Золотова. В своих новых хоробах он и встретился впервые с советником президента. Тот позвонил поздним вечером:

– Я много любопытного слышал о вас, – проговорил он. – Теперь и мне понадобилась ваша помощь. Приглашаю вас на завтра к девяти ноль-ноль в мой кремлевский кабинет.

Кто кому нужен? Кто проситель?..

Но и ехать советнику президента в частный офис, где пропускная система и нежидкая очередь, тоже не с руки.

– Не могу – занят на процессе, – соврал Кузнецов. – Вы можете заглянуть ко мне в любой день после восьми вечера. В одном доме живем.

Похоже, Ненашин не ожидал такого поворота. Спросил через паузу:

– Сегодня не поздно?

– Жду вас...

Советник появился в квартиру с охранниками. Это не понравилось Кузнецову.

– Пусть подождут на лестничной площадке, – предложил на правах хозяина.

Тот поколебался, но скомандовал им убираться. Кузнецов провел важного гостя в кабинет. Ненашин водрузил на письменный стол бутылку исчезнувшего с развалом Союза армянского коньяка «Ахтамар»:

– Я не пью, – отказался Кузнецов. – Давайте к делу. Почему вы решили обратиться ко мне?

– Если вы сумели вытащить из дерьма такого жулика, как Золотов, то мне и подавно сможете помочь. Сумму гонорара определите сами...

Кузнецову надоело ждать неизвестно чего. Он вылез из машины, отпустил шофера и направился к подъезду. Привычно набрал код, шагнул в просторный вестибюль. Пожилая сухонькая лифтерша, вдова известного режиссера и сама бывшая балерина, равнодушно и заученно улыбнулась. Нажала кнопку четвертого этажа. На его лестничной площад-

ке было всего две квартиры. Одна пустовала. Месяц назад ее освободил спившийся сынок застрелившегося члена ЦК разогнанной партии и съехал вместе с подругой в Подмоскowie. А новый хозяин еще не объявился.

Дверной запор был с секретом. Чтобы трижды повернуть ключ с фигурной бородкой, надо дважды наполовину вытянуть его, повернуть назад на пол-оборота и протолкнуть до упора. Кузнецов еще не освоился с ним как следует, приходилось какое-то время ковыряться в замке. Так произошло и в этот раз.

Он не услышал, как бесшумно открылась дверь пустовавшей квартиры. В тот момент, когда шагнул через порог, ощутил сзади чье-то присутствие. Повернул голову. И тотчас получил удар в челюсть. Перед глазами поплыл белесо-мутный туман. Сквозь него пробилась мысль: сейчас упаду. Но ему не дали упасть. Высокий человек подхватил его под мышки, затащил в комнату и осторожно прикрыл дверь.

Белесый туман в глазах исчез. На Кузнецова навалились сумерки. Но сознание, ватное и вязкое, продолжало жить. Он понимал, что налетчик копошится в его дипломате, выбрасывает на пол бумаги. «Не там ищет, – вяло и отвлеченно подумалось ему, – деньги в пиджаке». Тот будто услышал его мысль, зашарил по карманам. Кузнецов попытался открыть глаза. Веки были тяжелыми, ровно придавленные подушкой. Видимо, ему все же удалось разлепить их. Он смутно увидел чужую кисть, вытаскивавшую из кармана диктофон. Она по-

казалась ему безжизненно-желтой и уродливой.

Высокий человек уложил в целлофановый пакет диктофон и блокнот, бумажник адвоката сунул в карман. Подобрал валявшуюся на полу связку ключей. Перешагнув через хозяина, уверенно прошел в его кабинет. Там перелистал настольный календарь, вырвал несколько листков. Шагнул к книжным полкам. Перебрал папки. Сунул в пакет ту, на которой было написано: «Ненашин Ф.К.».

И по-рысьи насторожился. Запикал домофон, и на пульте замигала лампочка.

Он торопливо вышел из кабинета. Вставил в замочную скважину ключ, чтобы закрыть квартиру. Однако он застопорился. Снизу послышался голос вахтерши: что-то и кому-то она невнятно объясняла.

Налетчик торопливо скрылся за дверью соседней квартиры...

Сыскарь Вовочка не стал ждать, когда лифтерша-одуванчик досеменит до лифта и поднимет его на четвертый этаж. Взбежал наверх, прыгая через ступеньки. В дверях квартиры Кузнецова торчал ключ. Он рванул дверь и сразу увидел своего приятеля. Тот лежал на боку, половина лица была одним большим кровоподтеком. Вовочка распахнул шире дверь, чтобы видеть лестничный пролет – налетчик вниз не спускался, мог притаиться наверху.

Потянув резинку, высвободил трофейный «макаров»,

нетабельный и незарегистрированный, вывезенный под звуки оркестра из Афгана. Пистолет он носил на кубинский манер – под штаниной – не так заметно и не обязательно надевать пиджак. Передернул затвор, загоняя патрон в ствол. Сунул в карман. На всякий случай дернул соседскую дверь – она оказалась запертой, как и в предыдущие дни. Затем вызвал по мобильному «скорую» и милицию. Прокричал Одуванчику, чтобы поднялась на четвертый.

– На Кузнецова напали, – сказал он ей.

– Никого посторонних... Клянусь вам...

Вовочка прервал ее:

– Подъедут «скорая» и милиция. Откроете им. Я буду наверху. – И достал пистолет.

Увидев его в руках Вовочки, балерина тоненько взвизгнула. И замолкла.

Вовочка впритирку к стене стал подниматься по лестнице. Дом был семиэтажным. На верхней площадке пожарную чердачную лестницу загораживал старинный шкаф с оторванными дверцами. Дураки-новоселы выбрасывали антикварную рухлядь. Изловчившись, Вовочка вскарабкался под потолок. Замок на люке болтался на одной петле. Крышка отошла бесшумно. Чердак плавал в сумеречных тенях, свет от уличных фонарей косо падал в слуховые окна.

Сыскарь не стал таиться. Рывком перебежал к вентиляционной трубе, от нее – к выступу боковой балки и дальше – к торцевым стропилам. Чердак заворачивал под прямым уг-

лом. Выскочил из-за укрытия, готовый на любой шорох сделать кульбит и открыть огонь. Но все было тихо, а окна закрыты на шпингалеты.

Перед тем, как вернуться в квартиру Кузнецова, протер носовым платком свой «ПМ» и возле люка затолкал в расселину между досками.

В квартире уже хозяйничала милиция, и сустились санитары с врачихой.

– Вы мешаете, гражданин! – сказала, тесня сыскаря, пожилая врачиха.

– В какую больницу вы его повезете?

– В Склиф... Отойдите, прошу.

Оперативниками распоряжался подполковник милиции, тяжелый, как бочка с пивом, губастый, с глазами навывкате. Возле него вертелся сержант с рацией. Еще один, в штатском, обшаривал квартиру.

Вовочкин заметил, как он, порывшись в шкатулке, сунул что-то в карман.

– Эй-ей! – крикнул он ему. – Верните вещь!

Тот вопросительно глянул на подполковника.

– Продолжайте осмотр места происшествия.

– Вы не имеете права рыться в вещах потерпевшего, – сказал Вовочкин.

– А это еще что за бородатый? – вроде бы удивился подполковник.

– Я друг потерпевшего.

– Как здесь оказался?

– Пришел в гости.

– Ваши документы!

Вовочкин достал удостоверение частного детектива. Подполковник раскрыл его и скривился, как от зубной боли. Уставился лупастыми глазами:

– Ах, ты, сявка навозная! Свалил, как крыса, со службы, а мы за тебя говно разгребай!.. Сержант, обыщи этого балконного топтуна!

Бывшие коллеги прямо борзели от вида его удостоверения. Частное детективное агентство действовало на них, ровно красная тряпка на быка...

Вовочка сам выложил на стол содержимое карманов. Подполковник покрутил сработанную под пистолет зажигалку, бросил со стуком на стол. Вытряхнул содержимое бумажника и сразу ухватился за стодолларовые ассигнации. Это был пятисуточный гонорар от банкирской вдовы за избавление от ночных кошмаров.

Пиджачники-оперативники сноровисто и профессионально ощупали его, не забыв про голени. Вовремя он избавился от «Макарова». А по-хорошему бы и избавляться не надо. Все эти поганцы – народные избранники: выкинули из закона «Об оружии» статью, разрешающую частному детективу иметь пистолет.

– Где же твоя пушка, топтун? – недовольно спросил подполковник. – Лифтерша ее видела!

– Она видела вон ту зажигалку, – показал на стол.

– Не брешь, сучий потрох! Была у тебя пушка!

– Будет, когда получу разрешение.

– Накося! – состроил тот кукиш. – Баб пасти – рогаткой обойдешься!.. Откуда доллары?

– Заработал.

– Кошкин, ты когда-нибудь видел доллары?

– Никак нет, – откликнулся сержант.

– На, погляди, – протянул ему купюры.

Сержант взял банкноты двумя пальцами, ощупал, понюхал.

– Фальшивые! – выкрикнул, и деньги будто растворились в его руках.

– На экспертизу! – распорядился подполковник.

Затем обернулся к Вовочке:

– Чем недоволен, топтун? Ну!

Сыскарь понимал, что его провоцируют. Сдерживал себя из последних сил. В голову покатались горячие волны, словно он пропустил удар на ринге. В такие минуты он когда-то сжимался и заикливался на одном: поймать противника на апперкот. И ловил. А сейчас нельзя, хотя противник вот он, мясистый и открытый со всех сторон. Сейчас важнее выпроводить этих праворазрушителей. И сразу в больницу: выяснить, что и как с Кузнецовым, устроить его комфортнее.

– Ну? Чем не доволен? – приблизился вплотную подполковник.

– Всем доволен, – ответил Вовочка. – Надеюсь, что валюту вернут после экспертизы?

– Валюту-у?! – удивленно вытаращился тот. – Какую валюту?.. Кошкин, ты видел в этом доме валюту?

– Никак нет, – отрапортовал сержант.

– И я не видел. И никто не видел. Тебе, топтун, везде валюта мерещится...

Палата была трехместной. На больничной койке Кузнецову полегчало. Руки-ноги двигались. Шея хоть и болела, но голову он мог поворачивать. Возле него сидела женщина в белом. Она только что смазала его лицо чем-то холодным.

– Легче? – спросила.

Кузнецов кивнул.

– Денька через три-четыре опухоль спадет.

– Что у меня? – Слова ему давались с трудом, но говорить было можно.

– Перелом челюсти.

– Надолго я к вам?

– На две с половиной недели. Подремонтируем, и хоть орехи грызите.

Голос у нее был низким, грудным, успокаивающим.

В палату заглянула нянечка:

– Надежда Васильевна, вас к телефону.

Она вышла. Но вскоре вернулась.

– Оказывается, вы – большой человек, Кузнецов. Перево-

жу вас в люкс...

Частный детектив Вовочкин задержался у окна регистра-
туры, выпросил все, что необходимо. Палата находилась на
втором этаже. У сестры-хозяйки просмотрел опись вещей
Кузнецова. Постовая медсестра объяснила, что посещение
больного только с разрешения врача.

И он направился в ординаторскую.

– Почему в верхней одежде? – строго спросила врачиха.

– Я насчет Кузнецова. Как он?

– Кто вы ему?

– Друг. Меня зовут Степан. А вас?

– У вашего друга челюстная травма. Теперь удалите!

– Не могу.

– Что значит «не могу»?

– Мне надо его повидать.

– Сегодня нельзя. Жену известили о случившемся?

– Нет у него жены. Мне сказали, что он в трехместной
палате. Переведите его в одноместную, я оплачу.

– Уже перевели. И не в одноместную, а в люкс.

– Кто же оплатил? В его фирме еще не знают, что он у вас.

– Мне известно лишь, что деньги внесены наличными за
все время лечения. Хорошо, друг Степан, приходите завтра
во второй половине дня. Так и быть, разрешу вам короткое
свидание.

«Чудные вещи творятся на этом свете, – размышлял част-

ный сыскарь Степан Вовочкин, возвращаясь из больницы. — Менты отбирают бабки, как гоп-стопники... Незнамо кто колотит мужика в собственной квартире... Тайный доброхот отваливает кошелку денег, чтобы подлечить избитого... Бардак, да и только!»

Он возвращался на квартиру приятеля, чтобы забрать пистолет и самому провести рекогносцировку на предмет похищенного. Ключ от квартиры забрал, закрыв дверь после ухода ментов. То, что унесли диктофон и кассеты, он уже знал. Их не было ни в дипломате Кузнецова, ни в больничной описи личных вещей. Деньги он держал в томе речей Плевако, рабочие документы — в папках на полке.

В квартире был нормальный холостяцкий беспорядок. Вовочкин достал с полки том Плевако: в нем спокойно лежали двадцать стодолларовых купюр.

В шкатулку сыскарь не стал заглядывать, он понятия не имел, что там хранилось. Папки на нижней полке лежали вразброс, а раньше стояли на полке. Он перебрал их. Досье советника президента исчезло... Дело запахло политикой, где игра шла без всяких правил...

4

На отшибе от резиденции Президента стоял скромный, по сравнению с другими, двухэтажный особняк. И обнесен он был не кирпичным или бетонным забором, а высокой, гиб-

кой и непрозрачной сеткой. Перелезть через нее можно было лишь с помощью акробатических трюков, да и то, если не дергать сетку. Стоило ее потянуть, как по внутреннему периметру мчались волкодавы.

В этом доме, у горящего камина, сидели двое.

– Включай, Пилот, приборчик, – сказал хозяин.

Через минуту из диктофона послышался сипловатый женский голос:

– ... записочки, самолично им написанные. Тому – столько-то наличными отгрузить, другому – столько зелеными... если что со мной случится, подруга знает, куда их передать. Приедет в Москву и передаст...

– Где подруга живет?

– Всего скорее, в Лихославле. Там до Москвы Соловьева жила.

– Я ведь тоже из Лихославля, Пилот. Клиентка-то моя землячка. Пацанов сей же час – в Лихославль. Пушай прочешут родню и всех знакомых триндух землячки.

– Белый и еще трое в готовности.

– Есть у меня там малина, Пилот. Пустует. Хозяйствует в ней косоглазый Юла. Белый с бойцами пушай там и тормозят. Флакон знает адрес.

– Шеф! Завязывайте с жаргоном. Вы теперь не пахан и не Туз, а бизнесмен.

– Ну-ну, Пилот. Шибко ты умный. А все одно – не лезь! Знаю, где и какую масть держать, – он не надолго замолчал,

обдумывал что-то по привычке. Затем сказал: – Хвост с Красавчика сыми – и так будет наш. Акинолос на ферме?

– Вместе с дамой.

– Отправь его к макаронникам. Луиджи бойца просит. Его семейку бочкуют, как селедок. Нам грех не помочь забугорному братану. Не за так, за четвертинку берега. Через пару лет она будет нам в самую жилу... Как там, у военных начальников кличут запасной схрон?

– ЗКП. Запасной командный пункт.

– Вот и у нас будет ЗКП. Все, Пилот. Ищите бумаги. Только без кипиша и мокрухи.

Нужды мотаться самому в Тверскую губернию для Пилота не было – там рулил братками Белый. Но захотелось прошвырнуться, сменить обстановку. Ехал он в пакостном настроении. В душе будто поселились кошки. Эти твари гадили в душу уже второй месяц, с того дня, как стали пасти Красавчика. Опять сволочная политика, а ведь дал зарок после Белого дома не лезть в это дерьмо.

«Малину» Туза в Лихославле Пилот нашел легко. Это был просторный дом с дворовыми постройками. Стоял он на самой окраине города. Ворота ему открыл косоглазый мужичок, которого хозяин назвал Юлой.

Двор был большим, надежно упакованным в два забора. Высокий дощатый шел по внешнему периметру. Мелкосетчатый, на острых арматурных кольях – по внутреннему. На

задворках крепенько сидел в земле приземистый кирпичный сарай с окошками-бойницами. Пилот подумал: удобное место для сходов и тайных встреч.

В самом углу двора желтела просторная баня, рубленая из липы. На базе у Туза была еще одна парилка, персональная. Намерзшийся в молодости на северах, он любил горячий пар с вениками. На субботние банные дни он даже посылал в Лихославль машину за парильщиком Юлой. Тогда Пилот и видел его мельком.

На крыльце появился Белый. Подождал друга-начальника, и они вместе прошли в дом. Центральное место в горнице занимал овальный стол с шестью стульями.

– Все в порядке? – поинтересовался Пилот.

– Школьной учительнице Соловьевой представился сотрудником собеса. Она назвала четверых, с кем Мадам дружила. Одна утонула шесть лет назад. Вторая живет рядом с пенсионеркой – алкашка. Третья выехала в Тверь – проверили: бедует с четырьмя ребятишками в коммуналке, муж сидит... Последняя из четырех осела в деревне Бухалово. Туда выехали Рыбак, Флакон и Глистогонов.

В дверь робко постучали.

– Входи! – рыкнул Белый.

Юла прошел к столу, расставил тарелки с солеными груздями, огурцами, помидорами, ломтями ноздреватого деревенского хлеба. Достал из холодильника две бутылки «кристалловской» и два граненых стопаря.

– Есть борщ по-вашему, котлеты с жареной картошкой, – доложил. – В момент сварганю яишенку с салом. Или чего другого?

– Неси что есть...

Белый наполовинил стаканы.

– Давай вмажем за нашу обглоданную Россию, – предложил Пилот.

Вмазали. Закусили.

– Между первой и второй только пуля, – сказал Белый.

Опрокинули еще по одной. Под горячее – третью. Выпили, молча и не чокаясь. Каждому было, кого помянуть из тех, что остались в чужой земле.

– Ну и что ты сделал как сотрудник собеса? – спросил Пилот.

– Вручил бабуле от собеса материальную помощь – тысячу рублей. Отвез на вокзал и купил билет до Тюмени, чтобы навестила дочь и внуков.

– Правильно.

– Кстати, возле ее дома Флакон засек бородатого мужика. Глотал возле столба пиво из бутылки. Похоже, тот самый, банкиршин кавалер. Но он быстро слинял.

– Что у Рыбака?

– На связь выходил час назад. Нашли подругу. К вечеру привезут.

Белый распечатал вторую бутылку.

– Я – пас, – сказал Пилот. – Да и тебе хватит.

– Надоело все, – угрюмо проговорил Белый и все же наплескал себе.

Была и у Пилота мысль бросить эти игры, когда стали пасти Красавчика. А дальше что? Останутся они с другом никому не нужные, как перекаати-поле.

Тут какую-никакую, а пользу приносят. Убирают мерзавцев с благословения Туза. Красавчик тоже мерзавец. Убрать его нельзя. Посадить не получится. Ну, заполучим улики. И что? Их надо отдать Тузу. Тот станет держать Красавчика на крючке. И доить. По-разному можно доить чиновника, приближенного к президенту... Кто в выигрыше – козе понятно. Можно, конечно, снять с записок копии. И кому их отдать? Генералу-однокашнику всучить?

Пилот вспомнил, как позвонил Кличко после того, как стал начальником службы безопасности криминального банка.

– Я устроился на работу, Миша.

– Знаю.

– Осуждаешь?

– Понимаю.

– Что понимаешь?

– Рыба ищет, где глубже. Разбогатеешь – не забывай старых друзей. Всегда рад с тобой общаться.

По всем канонам, главный борец с организованной преступностью не должен был даже разговаривать с ним. А тут «рад общаться».

Еще один раз вышел Пилот на связь с генералом. Сообщил ему о предстоящей разборке солнцевских и азеров. Ждал, что омоновцы возьмут карьер в плотное кольцо и подметут всех под гребенку. Не дождался. Бывший сослуживец не отреагировал на оперативную информацию. Солнцевские уехали с разборки победителями.

Скурвился генерал. Не звонил больше Пилот сокурснику, хлебали мутное варево вдвоем с Белым. И успокаивали себя тем, что хоть и провоняли дерьмом, а загаженную конюшню помалу чистят...

Следы в никуда

1

После полудня сыскарь Вовочка приехал в Склиф. Вчерашняя врачиха уже сменилась с дежурства, но отрабатывала дневную смену. Разрешила проведать больного, но предупредила, что говорить ему много пока нельзя, во рту сетка...

Одна половина лица Кузнецова была багрово-синей, но глаз приоткрылся. Другой глаз глядел с угрюмой обидой, но в целом – нормально.

– Привет, болезный! – поздоровался Вовочкин. – Докладываю: бабки по-прежнему у Плевако. Папку Ненашина и диктофон с кассетами уперли. Значит, дело в Советнике.

Кузнецов согласно мотнул головой.

– Боюсь, что продает тебя кто-то, Борис. Кому известно, что досье советника хранишь дома? Я позвонил Наталье Марковне. Она сказала, что на заявке фамилии визитеров вписаны другим почерком. В бюро пропусков телефон внутренний. Делать тебе сейчас нечего, потасуй-ка своих на предмет крапленой дамы.

Тот кивнул и прошепелявил:

– Тебе срочно надо в Лихославль. Записки Советника хранятся у кого-то из подруг Соловьевой.

– Понял.

– Выясни, где она жила до Москвы. С кем дружила. Раздобудь записки.

– Постараюсь...

2

Сыскарь Степан Вовочкин опоздал с поездкой в Лихославль на сутки. Те самые сутки, в которые он мотался между квартирой Кузнецова и больницей. Ему пришлось идти по следам опередивших его братков. Лихославльский адрес школьной учительницы Соловьевой он вычислил без проблем. Она назвала одну из подруг, жившую в доме напротив. Та оказалась алкашкой.

Узрев бутылку водки и хлебнув для поправки здоровья, она объявила, что подругой жадины Соловьихи себя не считает. В подругах у Соловьихи Зойка, такая же шалавая, как и сама. И тоже жадина. Бросила мать и укатила в деревню Бухалово в бабкин дом...

Покинув алкашку, сыскарь наткнулся на братков. У дома учительницы-пенсионерки ошивался тот самый тип, что забрался в «ягуар» банкирши Елены. Он запомнил, что шофер тогда назвал его Флаконом. Джип с водилой стоял рядом. Похоже, они ждали кого-то. Изображая из себя пьяницу, Вовочкин хлебал из бутылки пиво и наблюдал за домом учительницы. Через какое-то с крыльца спустился мужчина

с военной выправкой и морщинистым лицом. Флакон что-то сказал ему и ткнул пятерней на Вовочкина. Сыскарь решил линять с этого поля, которое запросто могло превратиться в тир...

В Бухалово Вовочкин появился, когда в доме подруги Соловьевой – Зойки – шла гульба. У распахнутых ворот стоял джип-«чероки» с худосочным водилой, опять же знакомым Вовочке, – это он тогда сидел за рулем «пежо». Из окон вылетали пьяные голоса, изображавшие песню. Скрипучий мужской голос выводил:

Хоп-па! Зоя!
Кому дала ты стоя?
– Начальнику конвоя,
Не выходя из строя...

Женщина взвизгивала дискантом, подхватывала концовку и заливалась хохотом. Вовочка понял, что и здесь делать ему уже нечего.

На деревню опустились сумерки, и он, не скрываясь, пошел вдоль улицы. Это было его ошибкой.

Скосил глаза и увидел, как за ним торопливо топает Флакон. Следом семенил водила. Вовочкин нырнул в первую попавшуюся калитку, проскочил двор, перемахнул плетень и очутился в огороде. Взрыленная земля была пустой и голой, лишь кое-где торчали будылья подсолнухов. Сразу за огородом начинался луг. Невысокие копны смотрелись в сумерках

словно бронеколпаки на китайской границе, где он служил срочную. Луг примыкал к подлеску, там наверняка не было посторонних глаз.

Флаконе не прятался. Бежал следом по-слоновьи, топая армейскими ботинками. Перед тем, как нырнуть в кустарник, сыскарь обернулся. Преследователь на бегу задрал пиджак, достал из-за пояса ствол. Вовочка метнулся в кусты, сразу взял вправо, где подлесок был выше и гуще. Пробежал метров двести, увидел вывороченную давним ветровало сосну с могучими растопыренными корнями и поблизости – штабелек бревен. За ним он и пристроился. Шуршание кустов стихло. Значит, Флаконе притормозил.

Вовочкин нащупал суковатую палку, швырнул ее в сосновые корни.

Стал слышен слабый треск сучьев под ногами. Он увидел, как Флаконе появился среди деревьев, остановился, повел головкой, высматривая беглеца. В одной руке он держал наган, в другой – заточку. Обнаружил вывороченный сосновый корень, сделал несколько шагов. Метрах в семи-восьми остановился.

– Вали сюда, козел! – прокричал уверенно и скрипуче. – Оглох?.. Выдь по хэрэ, дырывать не буду! Отведу, побазарим и по холодку!.. Глист! – вдруг заорал он.

Не получив ответа, стал сторожко пододвигаться к выворотню и оказался спиной к Вовочкину. Неожиданно закуковала кукушка, Флаконе завертел головкой. Другого такого

момента могло не представиться. Сыскаря будто подбросило пружиной. Еще не успев опуститься на ноги, он обрушил ребро ладони на его загривок. Тот булькнул горлом и рухнул лицом на корни.

Вовочкин знал, что вырубил его не меньше, чем на четверть часа. Этого времени вполне хватало, чтобы добраться до своего «москвича». Но где-то в кустах был еще один и, всего скорее, тоже со стволом. Потому он ползком перебрался в травяные заросли.

Ждать второго пришлось довольно долго. Не торопился Глист. Может, за подмогой вернулся? Наконец он появился на поляне. В руках у него ничего не было, кроме толстой гнилой палки. Увидев лежащего приятеля, засеменил к нему. Наклонился, испустил вопль и заткнулся. Несколько секунд стоял, онемев. Затем развернулся и со всех ног бросился в сторону деревни.

Вовочка, не таясь, подошел к Флакону. С левой стороны из-под него ползло кровавое пятно. Падая, он наткнулся на собственную заточку. Ясно было и без врача, что падать ему никогда больше не придется. Сыскарь подобрал наган, выщелкнул патроны. В кармане пиджака обнаружил стопку зеленых и удостоверение, выданное сотруднику частного охранного предприятия «Север» на фамилию Мухоморов. Все это Вовочка рассовал по карманам и двинулся вдоль огородов к околице.

Час назад, еще на подходе к деревне, он заметил зарос-

ший осокой пруд. А машину свою оставил подале, подогнав ее к колхозному стогу. Осенний пруд проглотил наган и патроны. Лимузин стоял там, где он его оставил. Вовочка сел за руль, намереваясь тотчас же отбыть в непутевый город Лихославль. Но гнетущая мысль о том, что не смог выполнить задание Кузнецова, остановила.

Подождать, когда джип с веселыми ребятами и мертвецом станет возвращаться назад? А если нагрянут менты? Однако интуиция подсказывала Вовочке, что милиции не будет. И Вовочка остался.

Джип появился потемну. Вовочка, не включая фар, тронул свой драндулет следом, понимая, что ему не угнаться за ними. Однако худосочный водила не гнал. Даже остановился в ложбине. Притормозил и Вовочка. Увидел, как тот вышел из машины. Сперва поковырялся спереди, затем сзади. Сыскарь понял: меняет номера...

Ориентируясь по задним габаритам, Вовочка провожал джип на почтительном удалении. И сопровождал до дома на окраине Лихославля. Джип-«чероки» въехал во двор. Вовочка припарковал машину под одиноким голым тополем и прокрался к дому. На воротах была ромбовидная табличка с цифрой 28. Вовочка быстро зашагал прочь. В машине достал из кармана сотовый телефон, забил в память фальшивый и настоящий номера джипа. Включил зажигание и тронулся по неосвещенной улице, не включая фар.

Уже стемнело, когда снаружи раздался автомобильный гудок.

– Рыбак приехал, – сказал Белый и вышел во двор. Но что-то задержался там. Наконец стукнула входная дверь, и он появился.

– Проблема, Пилот, – доложил. – Труп у нас.

– Что за труп?

– Флакона зажмурили.

– Кто?

– Тот самый бородатый, что ублажал банкиршу и ошивался возле дома учительницы.

– Ну и хрен с ним, с уголовником! Пускай кинут его в морозилку. Хозяин сам распорядится, что с ним делать. А бумаги с автографом?

– В папке. Подруга Соловьевой в пристройке.

– Ее – на ферму. Бумаги – ксероксни. Оригиналы – для Туза, копии – нам, авось сгодятся...

Удавка для Советника

1

У Черепа, то бишь управляющего банком «Норд», выдался напряженный день. С утра встретился с Березовичем в его респектабельном офисе. Тот радостно улыбался, величал его господином банкиром, предлагал коньяк и кофе. Но от прямого разговора о Стрельце и Принцессе виртуозно увиливал. И убедительно делал вид, что впервые обо всем слышит. Череп тоже был мастер крутить восьмерки. И крутил добросовестно, пока не надоело.

– Борисыч! – укорил он Березовича. – Долги платить надо. Напомнить?

Березович в тот год только начал набирать силу. Но залетел на чеченских авизовках, стоивших российскому бюджету валютный миллиард. Прокурорские следаки стали копать. И докопались до инициатора аферы, коим и оказался Березович. Тогда он и попросил помощи у Туза.

Тот не отказал. Пришлось, правда, браткам порыскать по Москве, чтобы найти двух бывших подельников Березовича, ставших опасными свидетелями. Нашли, вывезли на ферму и передали с рук на руки заказчику.

В общем, вытянули Березовича из уголовного дерьма. Но

пленка с записью разговоров, фотоснимки и прочие бумажки остались у Туза, чтобы держать на крючке этого сына Израилева.

– Не забывайте, что вы нам обязаны! – нажал на него Череп.

– Всегда помню, господин банкир. И испытываю самые дружеские чувства. И к вам, и к вашему шефу.

– Дружеских чувств мало, господин олигарх.

– Бросьте! Какой я олигарх? Из нищеты, конечно, выбрался, но до олигарха...

– Насколько нам известно, вы подобрались к генеральному прокурору.

– Bravo, господин банкир! Ваша разведка заслуживает похвалы.

– Мне плевать на похвалу. На чем вы его подловили?

– Пока не могу похвастаться успехом.

– А мне сдается, что можете.

– Откуда такая уверенность?

– Коммунистическая пресса может опубликовать подлинные документы о фальшивых чеченских авизо.

– Боже! Со всех сторон угрозы, даже от друзей!

– С друзьями Бог велел делиться.

– Делиться я всегда готов. Но не последними штанами.

– Не жалейте штаны. Лучше в трусах ходить, чем в казенной робе.

Березович стрельнул глазами в Черепу. Мог бы так же

пальнуть из ствола. Но олигархи не занимаются грязной работой. Киллеров нанимают через третье лицо. И то – просчитав все варианты собственной неуязвимости.

– Есть у меня одна мелочовка, – вздохнув, сказал он.

Выдвинул ящик стола. Достал конверт, пододвинул его Черепу. Тот заглянул внутрь. На стол легли шесть фотографий. На каждой из них был изображен в чем мать родила... генеральный прокурор по прозвищу Малюта. Он был из фракции коммунистов и слыл жестоким и беспощадным борцом с коррупцией. Фотограф снял его не в гордом одиночестве, а с двумя голыми телками: в бассейне из голубого мрамора, на лежанке под тентом, в кресле-качалке...

– Однако! – произнес Череп.

Березович развел руками, показав пухлые ладошки.

– Это все, чем могу поделиться.

– И на том спасибо, Борисыч. Если, конечно, картинки – не фальшивка.

– Уверяю вас, подлинные...

2

В распорядке нелегкого дня осталась встреча с советником Президента. Поначалу тот покочевряжился. Но когда услышал в трубке текст одной из своих записок, адресованных Соловьевой, согласился на стрелку.

Череп ждал его в отдельном кабинете кафе «Северянка».

Он распорядился не пускать случайных посетителей. Заняты были лишь два столика. За ними сидели быки-охранники. Выпивка и закуска ждали своего часа, а пока служили маскировкой.

Красавчик появился в зале с двумя телохранителями. К нему тут же подскочил мэтр.

– Вас ждут, – показал на дверь в кабинет.

Телохранители двинулись было за Советником, но тот махнул рукой: оставайтесь! Мэтр предложил им столик в центре зала.

– Я хотел бы взглянуть на документы, – произнес Красавчик.

Череп молча подал ему ксерокопии.

– А где оригиналы?

– В надежном месте.

– Сколько вы хотите за оригиналы и все копии?

– Фадей Кириллович! – укоризненно воскликнул Череп. – Неужели я похож на вымогателя?

– Не знаю. Бог миловал от общения с ними.

– Буду откровенен. Вы сделали глупость, оставив у мадам Соловьевой автографы. Но поезд уже ушел... Вам повезло, что записки попали в мои руки, а не ваших недругов. Я очень надеюсь, что мы найдем консенсус, как говаривал в свое время Меченый.

– Чем я должен оплатить такой консенсус?

– Вы – советник президента. И близкий, скажем так, друг

Принцессы. Я приглашаю вас к сотрудничеству. Как банкира, меня крайне интересует информация из первых рук: кадровые перестановки в правительстве и администрации президента, указы до их обнародования, приватизационные планы, возможный преемник...

– А если откажусь?

– Ваши эпистолярные упражнения станут достоянием гласности.

– Вы не оставили мне выхода.

– Я предлагаю вам выход.

– Записок, конечно, я не получу?

– Пока не получите. Они – моя охранная грамота.

– «Пока» – это как долго?

– Столько, сколько продержится у власти президент. А значит, и вы.

– Что потом?

– Получите свои бумажки, и делайте с ними, что хотите.

– Альтернативы не вижу, – вздохнул Советник, – придется сотрудничать.

– Правильное решение.

– Однако должен сообщить, что мне не дает житья генеральная прокуратура. Президент вполне может сдать меня, как своего цепного пса Крестоносца.

– Об этом можете не беспокоиться, господин Советник, – небрежно бросил Череп и коснулся пальцами кармана пиджака, где лежал полученный от Березовича конверт с кар-

тинками. – В ближайшее время прокуратура перестанет вас дергать.

Советник взглянул на банкира с некоторым недоверием. Лицо у того было словно маска, и к ней как нельзя лучше подходил голый череп.

– Поговаривают, что Стрелец набирает обороты. Пока, мол, в премьерах, а там... Реально это, на ваш взгляд?

– Нереально. Не думаю, чтобы нацелился на главное кресло. Сколько их было, премьеров, – все ушли. И этого уйдут.

– Не жалуете Стрельца?

– За что его жаловать? Сидит спокойно, своей должностью доволен. И так высоко взлетел. В общем, тихушник.

– А Принцесса что о нем думает?

– За нее думает Березович.

– А он какого мнения о Стрельце?

– Вы думаете, что он с кем-нибудь откровенничает?

– Вы давно с ней общались?

– По телефону – вчера.

– А в более интимной обстановке?

– Нескромные вопросы задаете, господин банкир.

– А все же?

– Недели две тому. Надоела. Да и старуха.

– Принцессы старухами не бывают, Фадей Кириллович.

Надо восстановить встречи. И очень стараться.

– Это обязательно?

– Она – ваш ангел-хранитель и самый надежный источник

информации.

– У меня остался один вопрос, господин банкир.

– Слушаю.

– Надеюсь, мои услуги не будут носить гуманитарный характер?

– Ни в коем разе. В нашем банке вам откроют счет, на который будут капать достаточные суммы...

3

В банном пару липа ожила, выплеснула свой лесной дух. К нему добавился запах хлебного кваса, щедро выплеснутого на каменку. Косоглазый Юла в рукавицах и шляпе охаживал двумя вениками худое тело Туза, разрисованное шестью куполами, означающими высшую степень уголовного отличия. Парильщик умаялся, но виду не показывал, лишь выдохнул с облегчением, услышав: «Будя!»

Туз вышел в моечную, пофыркал под теплым душем. Юла накинул на него простыню. Открыл дверь в комнату отдыха, которую хозяин называл «шинок».

– В Лихославль поедешь завтра, Юла, – распорядился он. – Ночуй в гостевом доме. Появится Череп, пушай в шинок зайдет.

Череп появился, едва за Юлой закрылась дверь. Сбросил на лавку кожаный плащ. Сел к столу.

– Красавчик подписался на нас, – объявил. – На днях от-

мажется по всем статьям. Вот! – разложил перед Тузом фотографии. – Подарок Березовича.

Каждую фотографию тот разглядывал по отдельности. Прокомментировал:

– Спекся прокурор. Что насчет Стрельца?

– Березович делает вид, что не в курсе.

– А Красавчик?

– Не верит, что тот нацелился на трон. Сказал, кишка у него тонка.

– Всяко может быть. Я уже говорил, что Принцесса блефануть не дура. Что у Акинолоса?

– По последней информации, заказ исполнен.

– Пускай вертается...

Год 1999-й. Президент

Барвиха – любимая резиденция износившегося в дворцовых баталиях российского президента – напоминала остров в океане, по волнам которого носились обломки имперского корабля и летели вопли утопающих. Остров отталкивал их. И безжалостно изгонял случайных путников. На нем селились лишь новорусские, включая чиновников самого высокого ранга. Коттеджи и замки с башенками а-ля-рюс множились, как микробы в прокисшей затирухе. Высокие заборы скрывали от глаз теннисные корты, мраморные бассейны и все прочее, никогда прежде не виданное ни хозяевами, ни, тем более, потерпевшими кораблекрушение.

Президент сидел в охотничьем зале в кресле и бездумно глядел на экран телевизора.

Там нежилась в ванной модная певичка, укутанная в мыльную пену. Он видел и не видел ее, погруженный в полудрему. И лишь когда начались «Новости», вяло встрепенулся, скривился от вида думцев, готовящих документ по импичменту ему, Президенту.

«Козлы блудливые, – подумал. – Где бы они сейчас паслись, если бы не я, гарант ихней демократии. А туда же, избранники хреновы!»

Критика уже не ранила его, как прежде. Так, слегка царапала. Он устал и от власти, и от дерьма, что на него каж-

додневно выливают. В последний раз заперезживал, когда садовник, которого он притащил в Москву с Урала, сказал:

– Из уважения к вам не могу молчать. Подайте в отставку, народ перестал вас любить.

– Знаю, – тоскливо согласился с ним Президент.

– Так уйдите сами!

– А что будет с моими реформами?

– Какие реформы! От них людям тошно. От голоду в разбой идут.

– Ушел бы, да не пускают.

– Кто не пускает?

– Дурак ты, братец. Не смыслишь в политике... Нарезь вон лучше роз Тамаре.

Дочь была его любимицей. Он и сам признавал, что она крутила из него шнурки. Черт его дернул за язык рассказать про садовника! Исчез мужик на другой день. Дочь объяснила, что тот захотел на родину. Сам ли уехал, заставили ли?..

Президент встал с кресла, по давней привычке похлопал себя по карманам в поисках курева. Вспомнил, что два года уже как бросил смолить. Сплюнул в сердцах на ковер. Подошел к зеркалу. На него глянул дед с кровяными прожилками на лице. Разве будешь на людях бодрым, как требует Томка! Да еще и властным. Над кем властным, ежели никто не слушается? Все только советуют, советуют... Вот и Березович – ни дна ему, ни крыши! – насоветовал взять дочь в администрацию. Теперь и это лыко в строку суют. Ведь го-

ворил ей, не лезь в политику! Все равно влезла. И засветилась. Виллу не спрячешь в карман. Все Березович: «На подставное лицо. На надежного человека!» Это Столбович-то надежный? Ходит, трясет толстым задом, а глаза – как у козла в чужом огороде...

И зануло, затикало внутри. Были они, были, когда начал. Крестonosец находился рядом в самые тяжелые дни. Все знал и слышал, всех в узде держал. И обо всем докладывал. Хороший цепной пес, ну и гавкал бы, цапал бы кого положено! Так нет, полез в чужую конуру и нарвался. Пришлось убрать. А может, зря убрал?.. Ох, зря... В любой момент чеку из гранаты выдернет. Писателем, говнюк, заделался. Обгадил в своей книжонке, а ведь всем обязан ему, Президенту. Хорошо хоть не вывалил все, что знает. Тогда бы ни в жизнь не отмыться перед историей...

Еще один был, все «маршала» выпрашивал. Полководец, хрен ему в уши! Банщик он, а не полководец, прокакал войнушку! Да и заворовался без меры. Тоже пришлось выдерживать из патронташа, как испорченную гильзу. Жалко, а оставить нельзя: тогда рядом был этот, как его, с птичьей фамилией и бульдожьей хваткой – пристал, словно бандит с ножом: уволить!.. Старею, вот и фамилии вылетают из головы; лицо – как в зеркале, а фамилия испарилась. Хорошо, что вовремя избавились от его клыков, отправили в Сибирь губернатором.

А как от жулья избавиться? Наговорят десять верст до

небес, вроде как все по делу. А стоит подписать бумагу, как бюджет в черную дыру проваливается. Все нашептывают, чего-то выпрашивают. Даже этот розовый комсомолец. Приблизил его, а он, видишь ли, шашни с «Мальвиной» развел. Дня не проходит, чтобы его мордой об стол не возили.

Разогнать бы всех к едрене фене, поотбирать бы все нахапанное. Чтобы из-за кордона тоже назад приволокли. Нашли же способ при усатом грузине. В подвал – и на дыбу: вернешь капиталы – отпустим на все четыре стороны. Как миленькие вертали – свобода дороже, хоть и с голой жопой по Европам...

Нельзя ноне в подвал – демократия! Да и с кем тогда останешься? На кого обопрешься? Тот же Коммунист, любимец стариков и старушек. С ним можно договориться, случалось пару раз. Но Томка слышать о нем не желает. Говорит, залезет на самый верх – и пойдут разборки: «Это – не твое, и это мое». Может, и права дочь, нос у нее – что твой радар.

От долгого сидения у Президента занемели икры ног. Он опять встал. Заходил от кресла к дверям и обратно. Скоро должна появиться врачиха. Вспомнил ее, и боль малость отошла. Приятная бабенка. Русококая, пухлявенькая, курносенькая, с ласковыми руками. Скинуть бы четверть века, а еще лучше вернуться в комсомольскую малину... Но не дадено никому возвращаться, любой скакун становится с годами савраской...

Пропел дверной звонок. Видно, пришла пухлявенькая.

Сейчас денщик заведет ее. На старости заимел вот денщика в звании генерала.

Но вместо врачихи в дверь бесшумно впорхнула дочь.

– Как ты, па? – спросила.

Перед ней Президент всегда пыжился казаться сильным.

Проговорил бодро:

– Как молодой.

– Там Фадей горит желаньем предстать пред твои светлые очи.

– Гони его в шею, Тома! Весь, понимаешь, в дерьме, а туда же!

– А может, примешь? Хоть он и Ненашин, а наш, твой. Да и не нашла ничего прокуратура.

– Нашла. Только у них там извилин не хватает. Какой-то адвокатишка всех на уши поставил.

– Не скажи, па. Тот адвокатишка покруче Перри Мейсона будет.

– Это еще кто такой?

– Герой сериала.

– Киношники все врут.

– Да не киношники, па. Он из книжной серии.

– Вот и передай Фадею. Пока этот – как его? – Перри не отмоет добела – видеть не желаю. А не отмоет – «по собственному...», а то и похуже.

– Па, еще Березович названивает третьи сутки. Идея у него.

– Мне его идеи – во! – Президент провел ребром ладони по горлу. – Жулик он, Тома. Да еще и проститутка. Продаст, и глазом не моргнет.

– Зато умный, па.

– Я вот думаю, Том, почему евреи такие умные? Любой шахматный чемпион – обязательно еврей. Извилины, что ли, больше у них в головах?.. Ведь у Березовича ничего, понимаешь, не было. Так, затрапезный бухгалтериска. А смотри, как разбогател! Нефть захапал, даже до телевидения добрался, главный канал захватил.

– И восемь газет, – подсказала дочь.

– Олигарх, кирпич ему на плешину! Фээсбэшников прикормил, милицию на корню скупил, один Малюта-прокурор еще хорохорится.

– Не станет больше хорохориться.

– Чего вдруг?

– Подловили его на женщинах.

– Ну, это фигня, Тома.

– Нет, па. Березович сказал, там нюансы. И фотографии.

– Чего ж в эфир не пустил?

– Пока выжидает. Так что с ним? Примешь его?

Ответить он не успел. Помешал дверной звонок. Денщик генерал впустил пухлявенькую врачиху.

Она вошла, как обычно, с аппаратом для электрокардиограммы. Дочь отошла к окну.

– Добрый день! – поприветствовала Президента пух-

лявенькая.

- Ты, Оленька, как всегда, выглядишь на все сто.
- Любите вы расточать комплименты.
- Только тебе, Оленька.
- Как ваше самочувствие?
- Лучше всех.
- Сейчас посмотрим.

Не слушая возражений, она уложила его в постель. Налепила присосок, опутала проводочками. Он привычно терпел, знал, что процедура будет недолгой. Наконец из аппарата полезла лента с кардиограммой.

- Ну, и как? – спросил он.
- Слабые сбои есть. Рекомендую вам лечь на недельку в больницу на обследование.
- Не надо, Оленька. Я еще о-го-го!
- Трудный вы пациент.
- Надеюсь, что ты не станешь жаловаться на меня своему министру?
- Не стану...

После ее ухода Президент облачился в халат, сел в кресло.

- Может, тебе все-таки лечь на обследование? – спросила дочь.
- Подумаешь, слабые сбои! Я чувствую себя здоровым.
- Бодрисься?
- Без этого быстрее загнешься.
- Отчасти ты прав.

– Я всегда, доча, прав.

– Что ты решил, примешь Березовича?

– Видеть не желаю этого пархатого.

– Но я ему должна двести штук.

– В зеленых, что ли?

– Не в деревянных же. Это еще до твоих выборов было.

Они же, Березович с Рыжим, все сделали, чтобы тебя избрали.

– Ты, Тома, того... Не грехи на электорат. Народ захотел – и избрал.

Дочь вдруг посерьезнела, ласковый бесенок исчез из ее глаз.

– Отец, неужели ты веришь, что тебя избрал народ?

– Верю. Потому как у нас демократия.

– Не надо, па! Двадцать пятый кадр помог. И деньги...

Президент не ответил. Подошел к камину, хотел наклониться, чтобы разворошить кочергой догорающие березовые поленья. Но кольнуло в пояснице. Стоял недвижимо, ждал, когда пройдет боль, и глядел на слабые огненные языки.

Видно, отжил свое, подумал. Все понукают, как хотят. Уверенные, как динозавры. Двадцать пятый кадр придумали! В прошлые выборы Президент долго не мог взять в толк, что это за кадр такой. Пока его не высветили во весь экран. Он увидел свой портрет и надпись: жизнь без войны и катаклизмов. На другом двадцать пятом по счету кадре – портрет его соперника Коммуниста и надпись по кровавому по-

лю: гражданская война... Он никак не мог понять, почему и куда эти кадры исчезают. Глаза видели только Никулина с его бриллиантовой рукой, Папанова, Миронова. Великое дело – наука...

Выкинуть бы перед уходом какое-нибудь коленце. Взять да и разогнать Думу! И тут же самому отказаться от президентства. Вот переполоху будет! Под шумок вполне можно пропихнуть своего человека, и тогда живи спокойно до старости...

Только где его найти, своего? Подсовывает Томка Стрельца: давай раскрутим! А стоит ли?

Президент вспомнил свою давнюю поездку в Питер. Тогда в нем еще Профессор был мэром. Если честно, то недолюбливал он его: интеллигент и болтун. И тоже подворовывал, как докладывал Крестоносец. Может, и не сам, но уж его мамзель – точно...

В Питер ехать его уговорила тогда Томка: отдохни, проветришь, поохоться. Поехали в заказник на кабана. Перед тем, как разойтись по номерам, на поляне столы поставили, приняли, как положено, на грудь... Хитрован Профессор и на охоте какие-то бумажки на подпись подсунул. Пока разглядывал их да подписывал, не сразу и сообразил, что это на поляне так тихо стало. Глянул и обомлел: из кустов прямо на него секач прет. А ружья под рукой нет. И ни у кого – нет. Вдруг выстрел и сразу второй. Секач ткнулся рылом в траву.

Кто стрелял, кто бдительность не утратил?..

Невзрачный, плюгавенький, в ладном камуфляже – закинул за спину карабин, руки по швам. Сразу видать, из офицеров.

– В каком звании? – спросил его Президент.

– Полковник, – доложил тот.

– В настоящее время мой первый зам, – встрял Профессор.

– Хороший стрелец! – похвалил тогда он камуфляжного полковника.

Так для него и остался тот Стрельцом – не запомнил по первости фамилию. Но понравился. Расторопный и стрелять умеет. Президент был и сам приличным стрелком-охотником, чем немало гордился. Забрал вскорости Стрельца у Профессора в свою администрацию. Потом даже премьером поставил. А теперь Томка в преемники его прочит. А что у него на уме? Взлетел-то из кагэбэшного гнезда. Обласкаешь, раскрутишь – он и клонет в темечко. Маленький, глаза, как светлые шторы, хрен поймешь, что за ними прячется. Да и ведет себя непонятно. Все молчком, все наособицу, ни с кем не приятельствует. Отказался, видишь ли, приватизировать дачу. Да еще, говорят, и полный трезвенник. Значит, себе на уме и может выкинуть такое, что мало не покажется... Какой же он свой? Вон их, сколько было, своих, все к конкурентам переметнулись...

– Ладно, Том, – сказал Президент дочери. – Ненашина гони, а Березовича приму. Может, еще и сгодится...

Частный сыщик

1

Первой к Кузнецову в больницу заявила Лилечка Володарская – с пышным букетом роз и полной сумкой соков. Усевшись в кресло, весело защебетала. Кузнецов молчал. Говорить не хотелось, к тому же мешала сетка во рту.

– Тебе трудно разговаривать, милый?

Не дождавшись ответа, она продолжала:

– Тебя одно дело дожидается, реклама будет – жуть! Защищать русскоязычную общину в Эстонии...

Кузнецов почти не слушал ее. Он уже прокрутил в памяти последний разговор с Вовочкой. Пропуска заказывали только Наталья Марковна и Лиля. Секс-бомбочка Володарская пришла к нему после института сама в поисках работы. И сразу оказалась в его постели.

Кузнецов процедил сквозь стянутые проволокой зубы:

– Будет хорошо, Лиля, если ты уволишься до моей выписки.

Глаза ее широко распахнулись, в них не было ничего, кроме удивления.

– Что случилось, милый?

– Помнишь посетителя с голым черепом? – говорил он

невнятно, но она понимала. – С ним флаконистый бугай приходил?

– Н-не помню.

– Меня не интересует, где они тебя подцепили и сколько заплатили. Уйди, и чтобы я никогда больше тебя не видел.

– Но, Боря...

– Все!

Ушла она, как побитая собака. Кузнецову было ее не жалко.

Через час в палату ввалился Вовочка.

– Труба, Борис! Уплыли записочки. – И обстоятельно, стараясь не упускать детали, поведал о своей неудавшейся операции. Про труп по фамилии Мухоморов выложил под конец.

– Убедился, что труп? – спросил Кузнецов.

– Мертвее мертвого. Что теперь с процессом? Вдруг провалишь?

– Процесса не будет.

– Как не будет?

Им нужен советник при должности. Они его получили.

Вовочка погладил бородку, почесал за ухом. Успокоившись, спросил:

– Водку-то тебе можно? Ее не надо жевать, – отщелкнул замки портфеля, но Кузнецов остановил его:

– Открой бар. Мне – «шабли», себе – на выбор.

Вовочка открыл встроенный в стенку бар, присвистнул:

– Лилька приволокла?

– Выгнал вчера Лильку.

– Правильно сделал. Я ее тоже вычислил, да не хотел тебя расстраивать.

Он открыл холодильник. Подумал, что алкоголем и провиантом Кузнецова обеспечили те же лица, что оплатили люкс. Вытянул банку с красной икрой, смастерил пару толстенных бутербродов. Налил полный фужер «Смирновской». Кувыркнул в рот, заработал челюстями. Кузнецов цедил вино через соломинку, не ощущая дорогого французского букета.

Прожевав и набулькав еще фужер, Вовочка высказался:

– Банкирша три раза звонила.

– Поедешь?

– Триста баксов в сутки на дороге не валяются... Кстати, Борис. Мент поганый, что прикатил по вызову на твою хату, затырил полторы штуки зеленых – гонорар за пятидневку. Стоит драчки?

– В нашей ситуации, Степа, не стоит.

– Может, капнуть на него Мамонту?

Был такой мент среди их знакомых – во внутренней службе безопасности столичного управления. Мужик в годах, а дорос лишь до майора. Слыл мамонтом, потому что был неподкупен, как телеграфный столб, хотя и обременен семьей. У братвы ходил в блаженных и был в снисходительном уважении.

– А что? Капни, – одобрил Кузнецов.

Он встал, подошел к окну. Светло было лишь на главной аллее. В глубине шумели под осенним ветром деревья.

– Отойди! – сказал Вовочка. – Мало ли что...

– А ты бороду сбрей.

– Зачем?

– Чтобы не опознали...

Вечером Вовочка позвонил Мамонту домой. Тот выслушал, не перебивая.

– Бумагу нарисуешь? – спросил.

– А поможет?

– Лишней не будет. Авось пригодится.

– Когда пригодится, тогда и нарисую.

– Осторожный ты шибко, Вовочка. Как и твой приятель-адвокат. Отказался писать заяву о нападении. А муниципалам – лишь бы кобыле легче...

2

– Облажался твой Белый, – сказал Туз, отпаривая ревматические ноги в тазу с горячей ароматизированной водой. – Такого кореша дал замочить. Он меня больше суток по мхам пер, пока на зимовье не наткнулись.

– Облажались братки, шеф.

– Мои ребята тоже не лыком шиты.

– Для лохов и ларечников. А против профессионалов –

козявки.

– Не сыпь соль на рану. Что там с Бородатым?

– Частный сыскарь – приятель адвоката. Выполнял его задание, тоже охотился за бумажками Советника.

– А за Флакона ответить должен. Доставь его сюда. Я с братишками в Лихославль. Похороним Флакона по понятиям.

Слежку Степан Вовочкин обнаружил, когда ехал на дачу к банкирше.

Серая «Волга» то обгоняла его, то он снова примечал ее в зеркале заднего вида. Не вести же преследователей за собой к дому клиента. Есть, правда, маленькая возможность уйти от «Волги», но расчет только на слепой случай: шлагбаум через железнодорожный переезд. Вовочка достал из бардачка расписание пригородных поездов. На подходе была рязанская электричка.

К переезду он подъехал, когда опускался шлагбаум. Движок не стал выключать, глядел на тетку в оранжевом жилете, вышедшую из будки с красным флажком. Автомобильная очередь росла. «Волга» оказалась в ней второй. Послышался гудок электрички. Надо было выждать еще несколько секунд, чтобы «Волга» не успела проскочить следом.

Когда показался красный лоб электровоза, Вовочка газанул, обогнул шлагбаум и попер прямо на тетку в оранжевом. Она замахала флажком, открыла рот в матерном крике, от-

скочила в сторону. Вовочка заметил в зеркале, что «Волга» тоже обогнула шлагбаум. Остального он не видел, мчась под истошный гудок электропоезда. Не видел, как электровоз зацепил заднее колесо «Волги», после чего ее отбросило в сторону, дважды перевернуло и уложило вверх колесами на железные ступеньки будки...

3

Пилот был скорее удивлен, чем расстроен. Кто бы ни был этот приятель адвоката, но он – та еще штучка. Уложил позавчера сразу троих быков Туза, выкинув хрестоматийный финт на железнодорожном переезде. Оставшийся в живых шофер, которого выбросило из машины, помог восстановить картину происшедшего.

– Бородатый? – спросил его Пилот.

– Нет. Шрам на левой скуле.

– Подбородок блее, чем остальное лицо?

– Он в темных очках был.

«Придурок и есть придурок, – подумал Пилот. – Но даже если он не тот бородатый, все равно есть смысл познакомиться с ним поближе».

Пилот сказал Белому:

– Туз с похорон вернется – тут новые жмурики. Выясни все про сыскаря. Потом доставь его в бункер...

В ожидании Белого Пилот смотрел телевизор. На экране Кашипировский дурил огромную толпу людей.

В смутное время люди всегда тянутся к пророкам, колдунам, гадалкам. Отдельный человек еще может делать выводы из своих или чужих ошибок. А толпа не может. Она подвластна чувствам, которыми можно умело манипулировать и направлять в нужное русло.

Белый прибыл вовремя. Туз с похорон еще не вернулся. Пилот выключил телевизор.

– Привез? – спросил.

– Привез, – ответил Белый. – Отчаянный мужик! Хотел в прыжке достать меня в голову. Я чуть успел перехватить его ногу.

– Не покалечил?

– Слегка ногу повредил. Крепкий мужик, без сыворотки не расколется.

– Придется ввести, – вздохнул Пилот.

Сыворотка, более известная как эликсир правды, не позволяла человеку врать. Сыскарь рассказал все, что ему было известно. Выпотрошенный, он откинулся на спинку стула. Руки его безжизненно обвисли. Через час-полтора оклемается и о допросе не вспомнит. Когда по сигналу явился Белый, Пилот распорядился:

– Как придет в себя, отвези его домой.

Тот глянул на командира, спокойно отменившего распоряжение Туза отдать Вовочкина братве. Пилот молчал, при-

крыв глаза. Верный признак, что прокручивал в голове какую-нибудь идею. И не ошибся.

– Что скажешь о банкирше, Белый?

– Тело богатое. Мозги курячьи. Между ног – печка.

– Вот и стань печником.

– Старый, не справлюсь.

– Вспомни, чему тебя учил сексолог. Не забыл, где у женщины холмик Венеры?

– Помню, – ухмыльнулся тот.

– Ты видел по телевизору Кашпировского или Чумака?

– А при чем здесь банкирша?

– Подожди, поймешь. Помнишь Люсьену Гугину, она с нами работала до перестройки?

– Серьезная дама.

– Найди ее. Дай денег из наших накоплений. Пусть она зарегистрирует журнал «Оракул» и наймет пару сотрудников. Это ее прикрытие. Дальше самое важное для нас сейчас. Помоги ей купить модельное агентство.

– Зачем?

– Чтобы тебе помочь с банкиршей. Через агентство Люсьена будет знакомить с нужными клиентами, а она у них – выуживать информацию. Как идея?

– Класс...

К возвращению с похорон Туза Пилот был готов ответить на любые его вопросы.

– Как же так, Пилот, а? Теряем людишек.

– Они поплатились за собственную глупость.

– Ну, а этот, без бороды, откуда взялся? Может, другой?

– Нет, тот самый сыскарь, только бороду сбрил. Из ментов.

Бывший чемпион РСФСР по самбо. Воевал в Афганистане. Заработал два ордена.

– Побрякушки. Достал его?

– Пока нет, – соврал Пилот. – Фамилия его – Вовочкин.

Имеет офис на Малой Никитской в подвале жилого дома. Охранная система – самая дешевая. Белый вскрыл ее и покопался в картотеке. Серьезного ничего нет. Последние договор: известная нам вдова-банкирша заключила с ним договор с целью защиты от барабашек.

– Кто такие?

– Навроде домовых.

– Взбеленилась бабенка.

– Судя по всему, он ехал к ней на дачу в Маришкино. Как объяснил шофер, ехал спокойно, не нервничал. На переезде – трюк профессионала.

– Кто бы он ни был, – сказал Туз, – придется бочковать...

4

Спустя два дня Туз сам появился в бункере. Был он мрачнее тучи. Пилот видел его таким впервые.

– Две темы к тебе, начальник безопасности.

Начало не предвещало ничего хорошего.

– Слушаю, – ответил Пилот.

– Где сыскаря прячешь?

– Нигде. Я отпустил его.

– Как же так? Я же велел тебе отдать его на суд браткам, хоть живого, хоть в жмуриках. Он же четверых наших порешил.

– Докладываю. Первое. Они ушли на тот свет по собственной глупости. Второе. Никакой опасности детектив для нас не представляет. Третье. Он давний друг адвоката, который, по вашим словам, нам нужен. Адвокат сумел бы раскопать это дело и связал бы его с нападением в собственной квартире. Четвертое. Такими кадрами не бросаются, их приручают.

– Ну и что с тобой делать?

– Можете выгнать.

– У нас не выгоняют – кончают.

– Со мной у вас не получится.

– Задал ты мне задачку.

– Есть еще одна задачка. Неприятная. Итальянская пресса сообщила, что в Риме арестован Акинолос, а Луиджи с семьей взорваны.

– Туды ее в маму! – выругался Туз. Через паузу сказал: – Твой кадр, ты и выручай.

– Без адвоката не обойтись.

– Ну, так задействуй.

– Он не берется за два дела сразу.

– Красавчика отыграли, адвокат ему без надобности. Свои бабки получит, и за Акинолосом.

– У него сейчас новое дело в Эстонии.

– Какое еще дело?

– Защита русскоязычной общины.

– Пускай откажется.

– Поздно. Пресса уже раструбила.

– Уладь, Пилот. Вытащит Акинолоса – получит на фрегатную дачу.

– Что смогу, сделаю. Виолетту я могу задействовать?

– Можешь...

Адвокатское бюро «Уханов и партнеры»

1

В жизни Кузнецова существовали «до» и «после».

«До» – он молодой, боевой, еще не умеющий просчитывать ходы наперед и верующий в идеалы. Они впитались в него с материнским молоком и превратились в убеждения воспитательной системой, хорошо отлаженной и не дававшей сбоев. Молодой Кузнецов верил в социализм и коммунизм, готов был лезть на рожон, чтобы выкорчевывать пеньки, оставшиеся на пути к светлому будущему.

Такой он себе нравился, как память о юности. Однако нравился и нынешний. Тот, что появился на отрезке «После». Этот другой не зло иронизировал и ностальгически прощал заблуждения молодых лет. Он с негодованием воспринял развал Союза и с досадой подмечал, что большинство людей нищают и не находят себе места в перевернувшейся жизни. Однако особого сочувствия к ним не испытывал. «Хочешь жить – умей втереться». Втерся же Вовочка в незнакомую детективную обойму, и не бедствует. Нет, он не желал, чтобы вернулось прошлое. Не хотел ходить стриженным под одну

гребенку. Возможно, деньги и зло, как говаривал средневековый философ. Но когда их нет – зло вдвойне. Кузнецов привык к большим деньгам и легкими их не считал. Тот, кто вознамерился бы их отнять, стал бы его врагом.

И как солдат ждет и считает дни до дембеля, так и он ждал, когда Надежда Васильевна освободит его челюсти из проволочного плена. Она нравилась ему. Но теперь Надежда Васильевна появлялась в его палате лишь на утреннем обходе и была официальной, ровно прокурор при посещении камер арестованных.

Три дня назад, в свое суточное дежурство, она навестила его после того, как по распорядку дня наступил «отбой». Он воспринял сей факт как знак особого расположения. Открыл бутылку коньяка. Она не чинилась, выпила рюмочку, порозовела. Повинуясь наитию, он уронил голову на ее колени и стал через халат целовать. Она зло оттолкнула его и ушла. А ведь ни одна от него не убегала.

Кузнецов ловил себя на том, что подсознательно ждет стука в дверь: сегодня было ее дежурство. И в дверь постучали. Но в палату шагнула делопроизводитель адвокатского бюро Наталья Марковна.

– Все, что нашла, Борис Аркадьевич, принесла. На всякий случай – еще и официальные документы по русскоязычным в Прибалтике.

Материальной выгоды дело не сулило, но в случае успеха реклама с лихвой могла компенсировать гонорарные из-

держки. Защищать предстояло жителя Таллина – Федора Ручкина. Он возглавлял русскоязычную общину, и власти обвинили его в разжигании межнациональной розни. Первичный суд приговорил его к депортации. Он обратился в суд федеральный, община выбрала для защиты адвоката Уханова.

– Откажитесь, Борис Аркадьевич, – посоветовала Наталья Марковна. – Это же политика, вдруг проиграете.

Кузнецов понимал, что отказываться нельзя. Авторитет лопнет, как холодный стакан от кипятка. Он числил себя русским, хотя в жилах его текла и немецкая, и еврейская, и белорусская кровь. Но основные родовые корни тянулись из Поморья. Его давний пращур Еремей Уханов явился с сыновьями по зову Великого Петра в Санкт-Петербург на строительство верфи. Старший из сыновей в одночасье обрюхатил дочку немецкого корабельщика. Тот нажаловался царю. Петр повелел прикрыть грех свадьбой и гулеванил на ней с мастеровыми, пока в Онежской стороне не показалось солнце...

Безделье Кузнецова скрашивали компьютер и телевизор. Новости он смотрел по двум каналам: ОРТ и НТВ. Факты были одни и те же, но Сергунек и Кислов излагали их каждый по-своему. Оно и понятно: кто платит, тот заказывает музыку.

Вот и сейчас Кислов с грустью в голосе сообщал о том, что человека, похожего на генерального прокурора, заловили в

сауне с молоденькими проститутками. С задумчивым видом он усомнился в подлинности снимков и потребовал независимой экспертизы. Адвокат не сомневался, что в следующей передаче он сообщит об их подлинности.

Все ясно: Малюту схарчили. Он мешал и президентской «семейке», и олигархам, и даже ментам. Но слаб человек, даже прокуроры подвержены слабостям. Проколоться на дешевках – непростительно для прокурора. Кузнецову оно, конечно, на руку. В ближайшие месяц-два прокуратуре будет не до Красавчика. Там все будут ерзать в своих креслах, боясь их потерять. У него появлялась возможность полностью сосредоточиться на деле русскоязычной общины в Таллине...

В дверь снова постучали, и в палату вошла, нет, не вошла – всплыла Нефертити. Точеный лик, миндалевые глаза, волосы воронова крыла по плечам. Грациозно вручила букет и грустно улыбнулась.

– Можно присесть, Борис Аркадьевич?

– Садитесь. Мы знакомы?

– Нет. Меня зовут Виолетта. Теперь знакомы. Я к вам по делу.

– Слушаю вас.

– Мой муж в римской тюрьме. Его надо вытащить в Россию.

– Во-первых, я уже веду дело и не могу выехать в Италию.

Во-вторых, я адвокат дорогой.

– Знаю. Я согласна на все ваши условия.

Она уселась в кресле удобнее, юбка с разрезом натянулась, открывая ноги цвета слоновой кости много выше колен.

– Этот номер со мной не пройдет, Виолетта. Я – импотент.

– Борис Аркадьевич! – укоризненно произнесла она. – Я имела в виду сумму.

– Вы ее не потянете.

– Назовите сумму. Чтобы хватило на вашу голубую мечту.

– У меня нет голубой мечты.

– А фрегат?

Кузнецову с трудом удалось сохранить невозмутимость. Это ему сон однажды приснился: среди береговых сосен фрегат с шикарными каютами, командирским мостиком и слугами-матросами... Даже Вовочке он об этом не рассказывал, только секс-секретарше – под утро, когда они впервые остались в его новой квартире. Ай да Лилечка, ай да тварь!

Он пристально оглядел посетительницу.

– Миллион зеленых вам по силам? – Кузнецов намеренно зависил в несколько раз сумму гонорара.

– По силам. В мешке или на счет в Швейцарии?

– Две трети в мешке.

– Хорошо.

– За что муж угодил в римскую тюрьму?

– Не знаю. – Юбка теперь открывала лишь колени.

– В России он в розыске?

– Нет.

– Работает на мафию? На кого-либо там? – показал глазами вверх.

– Пока без ответа.

– Куда вы еще обращались?

– Никуда.

– Как давно он в Италии?

– Вторую неделю. По документам он греческий подданный. И по национальности – грек. Родился в Сибири. Жил до последнего времени в Москве.

– Ваш брак зарегистрирован?

– Если необходимо, принесу свидетельство о браке. Так вы беретесь?

– Лучше сделайте, коль вы всемогущая, чтобы его здесь объявили в розыск.

В этот момент дверь в палату распахнулась. Надежда Васильевна окинула комнату подозрительным взглядом.

– Ничего не понимаю, Борис Аркадьевич. Вы должны выписываться в пятницу. А сейчас главврач распорядился облагородить ваш рот к 11 утра завтра. И сразу – на выписку. Через полчаса в процедурный кабинет! – и вышла.

– Она равнодушна к вам, господин адвокат, – улыбнулась Виолетта. – Не потеряйте бдительность.

– С вами же я не потерял бдительности. И договоримся так. Если я возьмусь за ваше дело, вы будете со мной полностью откровенной. Главное – не врать.

– Разве я врала?

– Вы – не жена человека из римской тюрьмы. И даже не любовница. Слишком деловиты для близкого человека. И поторопились выставить напоказ свои прелести.

– Извините.

– После возвращения из Эстонии жду вас или того, кто вас послал, в офисе.

«Да, не ко времени этот процесс в Эстонии, – подумал Кузнецов, когда посетительница покинула его палату. – За такой гонорар он готов хоть завтра вылететь в Рим. Но пресса уже раструбила про русскоязычную общину и о его согласии взять защиту ее руководителя на себя...»

Через час Виолетта встретила с Пилотом. Крупным гребнем стала расчесывать свои роскошные волосы над белым листом бумаги. Оттуда скользнул микродиктофончик в форме утолщенной спички.

– Хреновая из тебя артистка, – сказал Пилот, прослушав запись. – Только и умеешь ноги задирасть да губами чмокать. – Идем к Тузу...

– На хрен ему вперлась та русскоязычная община? – спросил Туз.

– Реклама – двигатель адвокатского прогресса, – откликнулся Череп.

– Сколько он пробудет в Эстонии?

– До суда шесть дней, – начал высчитывать Череп. – По-

том, может быть, «на доследование» в связи с открывавшимися обстоятельствами, волокита, в общем.

– Это нам не подходит, – сказал Туз. – Пилот, сделай, чтоб никакой волокиты не было.

– Я не Бог, – ответил тот. – Сделаю, что смогу.

Была у Пилота в Таллине агентура, но давняя. Самая способная – Рита с третьего курса инъяза. Были еще бухгалтер из совета министров республики и бармен из «Старого Таллина». Пойдут ли на контакт бывшие агенты, если они на месте – не известно.

– Дам тебе, Пилот, наводку на Учителя. Найдешь его в Риге, – проговорил Туз. – Смотрит за всей Прибалтикой. Кентовали мы с ним. Потом я его короновал. Передашь маляву от меня. Его котелок любую кашу сварит.

– Без нужды лезть к нему не стану. А понадобится – обращайтесь.

2

Белого Пилот с собой не взял, хотя по первости и намеревался. Наследил Белый в Эстонии. Зарядил на адвоката бывшего капитана Феоктистова, которого братва знала по кличке Рыбак. Сам вылетел на сутки раньше.

Он был в Таллине дважды. Впервые – еще в мирное время, в десятисуточном отпуске. Второй раз – во время перестроечных событий, когда Меченый заявил, что понятия не

имеет, каким образом в Таллине оказались спецподразделения. А ведь ребят кинули туда с его благословения...

Город показался Пилоту незнакомым. Он неторопливо шел по улице, в плаще, в строгом костюме, с тростью, стараясь скрыть выправку военного. Трость была сделана по спецзаказу: стоило сдвинуть на внутренней стороне фигурной ручки сучок-рычажок, как из торца стремительно вылетал острый стилет.

Бар «Старый Таллин» он нашел без труда. Погребок был тих и уютен. Заказ Пилот сделал на немецком, которым владел в совершенстве. Официант в белоснежной манишке понял его. Через две минуты появился, неся поднос одной рукой на уровне подбородка.

– У вас ничего не изменилось с тех пор, как я посетил ваше заведение, – сказал Пилот.

– Давно это было? – осведомился официант.

– Во времена оккупации русскими. Тогда бармен был другой.

– Он был агентом КГБ и поплатился за это.

– Справедливо, – равнодушно бросил Пилот...

Домашние телефоны бухгалтера и Риты он помнил наизусть. По первому ответил незнакомый мужской голос. Услышав имя бухгалтера, запнулся на какое-то время и стал усиленно приглашать в гости, объяснив, что хозяин сейчас появится.

– Иду, – ответил Пилот и быстро зашагал прочь от теле-

фонной будки.

Значит, и этот спекся. Да и не могло быть по-другому, если все спецархивы попали в руки политической полиции. Хорошо, что он нигде документально не засветил Риту. Берег для особого случая, который так и не представился. Даже конспиративную квартиру успел переписать на нее.

Ее голос он узнал сразу.

– Ты замужем? – спросил он по-русски.

– В чем дело? – устало произнесла она.

– Помнишь Рижское взморье?

– Юри? – Неуверенность еще сквозила в ее голосе. – Где вы, Юрий?

– Ты одна?

– Да, мужа нет. Семьи нет. Одна! Где ты, Юрий?

– В двухстах метрах от твоего дома.

– Приходи, Юри. Я знала, что ты вспомнишь свою Риту-ню. Жду, Юри...

С ней он познакомился как раз в тот свой краткий отпуск. Проходя вечером по пустынному пляжу, услышал за одной из купальных кабинок проглоченный женский крик: «Спас...» Похоже, что не дали докричать. Не раздумывая, он кинулся на голос. Длинноволосых парней вырубил легко. Схватил девушку за руку, потащил в сторону освещенного корпуса. Зайти она отказалась, молча показала на расположенный до пояса сарафан и оборванную резинку трусов.

– Мне надо в Таллин, – сказала.

Он накинул на нее свой пиджак, снял брючный ремень:

– Подпояшъ трусы. Жди меня здесь, сейчас вернусь...

– Где ты живешь в Таллине? – спросил он, когда они ехали в такси.

– В общежитии.

– Удобно тебе появляться там в таком виде?

– Нет.

– Значит, едем на квартиру моего друга. Он сейчас в командировке.

Почувствовав ее немое сопротивление, сердито сказал:

– Не бойся, приставать не буду. Завтра купим одежду, и иди в свою общагу.

– У меня нет денег.

– У меня есть.

Явочная квартира имела казенный вид. Но холодильник не пустовал. В нем даже нашлись бутылка водки и рижский бальзам. Выпила она без отвращения. Консервированное мясо поела с аппетитом. Кофе пила с удовольствием и маленькими глоточками.

– Как ты попала без денег в зону отдыха? – спросил он.

– Поехала со знакомым.

– Где же он?

– На пляже. Один из тех троих.

– Ну и подонок!.. – И без всякого перехода спросил: – Сыта? В той комнате найдешь в шкафу чистое постельное белье. Укладывайся и спи. Я здесь – на диване.

– Меня зовут Рита. А тебя?

– Юрий.

– Юри, – она сглотнула последнюю букву.

Он уснул сразу. И проснулся от ее голоса. Она стояла в дверях спальни.

– Ты не хочешь прийти ко мне, Юри?

– Хочу, – ответил он и рывком поднялся с дивана...

Она почти не изменилась. Только скорбные морщинки за-
таились в уголках губ. Подошла к нему, обняла. И заплакала.
Он ни разу не видел ее плачущей, даже в той передрыге,
когда они тащили по задворкам раненого Белого.

– Как ты жила эти годы? – спросил он, глядя ее волосы.
Она была лишь чуть пониже его ростом, и когда кивнула, он
ощутил на лице прикосновение ее волос.

– Плохо, Юри.

– Работаешь?

– Да. Бухгалтером, – заметив его недоуменный взгляд,
объяснила: – Мой английский никому не нужен. Я же полу-
кровка. Окончила бухгалтерские курсы.

– Ты бедствуешь?

– Но не нищенствую, как люди в России. А ты по-прежнему
работаешь шпионом? – Она слабо и смутно улыбнулась.

– Нет, Ритуня. С Конторой я распрощался. Вернее, она
распрощалась со мной.

– Значит, ты приехал только ко мне?

– К тебе – тоже.

– Лучше бы ты меня обманул. Сказал: только к тебе.

– Я вру только по служебной необходимости, Рита.

– Знаю, – еле слышно произнесла она.

Прижалась к нему, изогнулась, замерла.

Он почувствовал ее колени и пронзительно ощутил, что хочет эту женщину. Она поняла это, отстранилась, прошептала:

– Не надо торопиться.

Он легонько приподнял ее, усадил в креслице. Сам сел рядом на стул.

– У меня в холодильнике жареные грибы, – сказала она. – Будешь?

– Буду.

– Спиртного нет, Юрий. Я же не знала...

– У меня есть, – не дал договорить ей Пилот. – И вот еще что, – достал из внутреннего кармана пачку зеленых, положил ей на колени, – возьми и расходууй. Деньги мои личные и достались мне легко. Трать их бессовестным образом!

– Ты женат, Юрий?

– Нет.

– Хочешь, рожу тебе сына?

– Не хочу, Ритуня. Это роскошь при моей профессии.

– Почему?

– Не имею права быть легко уязвимым.

– Но ведь Контора отторгла тебя?

– Подобрала другая, еще пакостней. К тебе она не имеет и не будет иметь никакого отношения.

– Должна я в этот раз в чем-то помочь тебе?

– Не думаю...

Грибы с картошкой напомнили Пилоту мордовскую деревню Журавки. Там он вырос. На деревенском кладбище упокоилась его мать. Там же осталась скрасившая его одиночество румянощекая доярка Раиса, от которой он уехал, даже не попрощавшись.

Пилот и Рита сидели за столом, мирно беседовали, пока взрывная волна не бросила их друг к дружке. И уже позже, когда волна прокатилась мимо, он спросил:

– Где ты работаешь, Ритунь?

– Выдаю зарплату в Верховном суде...

– Н-да! – выдохнул Пилот. – Может, и обращусь к тебе за помощью.

– Я все сделаю для тебя, Юри...

3

Кузнецов приехал в Таллин на следующий день. Город встретил его дождем. В Прибалтике всегда в эту пору дожди.

Судейские чиновники были сама любезность. Дело о депортации Ручкина предоставили незамедлительно. Слеплено оно было на совесть. Однако обвинительное заключение вызывало вопросы. В нем было несколько ссылок на уголов-

ное дело, заведенное в прошлом году.

– Мне нужно ознакомиться с уголовным делом Федора Ручкина, которое вы рассматривали чуть больше года назад, – сказал он круглолицему председателю.

– Увы! – сочувственным тоном произнес тот. – Оно находится в архиве политической полиции. Но вы не беспокойтесь, я подскажу, как вам поступить. – Судья блестяще говорил по-русски, видимо, окончил московский либо питерский юрфак. – Вы должны написать ходатайство министру юстиции, тот ознакомит с ним генерального прокурора. Дальше – проще: по ступенькам...

Кузнецов словно бы погружался в вату: мягко, глухо и душно.

– Почему уголовное дело находится в политическом архиве? – спросил.

– Вы же популярный у себя на родине адвокат! Прекрасно понимаете, что грань между уголовщиной и политикой размыта. Особенно в России.

– Вы уверены, что я ознакомлюсь с делом до процесса?

– Скажите, в чем сегодня можно быть уверенным?..

Кузнецов возвращался в отель в скверном настроении. Итальянский гонорар удалялся от него семимильными шагами. Стандартные ходы тут не годились. При игре в преферанс хитрецы используют армянский снос. Даже играя с компьютером, он не раз его обыгрывал. Программисты рассчитали, что компьютерный противник будет делать ходы,

обусловленные логикой игры. Но не предусмотрели армянских сносов, когда партнер сбрасывает заведомо выигрышные карты. Компьютерный мозг не мог воспринять такого идиотизма и позорно проигрывал. Так и в адвокатской практике. Нестандартный ход ставит обвинителя в тупик.

Да еще этот остолоп, по фамилии Ручкин, умотал в такой ответственный момент в Питер. Один из его приятелей-активистов, поколебавшись, дал Кузнецову питерский телефон. Ручкин оказался у какой-то бабенки с прокурорским голосом.

– Федюнчик! Тебя какой-то адвокат...

«Федюнчик» обещал выехать «в сей же момент», но до сих пор не объявился.

В холле отеля Кузнецова поджидали журналисты.

– Надеетесь выиграть процесс?

Кузнецов взял себя в руки. Улыбка на такой случай была у него отработана.

– Обязательно, – бодро ответил он.

– На чем основан ваш оптимизм?

– Я был бы плохой адвокат, если бы до процесса выдал вам информацию, способную повредить клиенту.

– Вы виделись с подзащитным?

– Естественно.

– Но его нет в Таллине!

– Кто это вам сказал?

Журналист, задавший последний вопрос, сунул диктофон в карман и куда-то помчался.

– Как вы относитесь к государственному обвинителю? – спросила пухлогубая малышка с цифровым диктофоном.

– Как к человеку, который одну штанину снимает, а другую надевает.

– Поясните.

– Попробуйте и поймете.

– Что вы можете сказать о нашем демократическом парламенте?

– Что можно сказать о слепом, который смотрит в микроскоп? Но это мое сугубо личное мнение...

Продравшись сквозь толпу журналистов, Кузнецов наконец оказался в своем номере. Принял душ, улегся на кровать с намерением разложить все по полочкам. Прикрыл глаза, и в полудреме перед ним вдруг замаячило холеное лицо генерала-диссидента Калугина. Тогда Кузнецов только что основал частное адвокатское бюро и защищал интересы опального генерала. Совет министров агонизирующего, но еще великого государства лишил его званий, наград и даже пенсии. Об этом свидетельствовали выписки из протокола заседания Совета министров, подписанные Плачущим Большевиком. Генерала обвинили в том, что он разгласил в западной прессе служебные тайны.

Кузнецов понимал, что строить защиту на доказательствах «Тайна – не тайна» практически бесполезно. Надо бы-

ло искать нестандартный ход.

Он прикидывал так и этак, пока у него в голове не промелькнула мысль: а было ли, вообще, заседание Совета министров?

Раздобыл список министров и сочинил депутатские запросы. Была у него знакомая депутатша Алина, попавшая в последний державный парламент на митинговой волне. Очень уж гневно она ниспровергала всех и вся.

Раздобыл список министров и сочинил депутатские запросы.

Депутатша приняла его в отделанном дубовыми панелями кабинете.

– Давайте глянем, что вы раскопали про товарищей, – последнее слово прозвучало в ее нежных устах как ругательство. – Так. «Министру деревообрабатывающей... Почему не присутствовали на заседании 22 июля с.г., где обсуждался вопрос о строительстве Байконурского деревообрабатывающего комбината... С уважением...» Он что, на самом деле не присутствовал?

– Увы! – симпровизировал Кузнецов.

– Информация что надо! – прищурила она глаза. – Спасибо, Боренька.

– Это еще не все прогульщики. Вот, – протянул ей стопку листов с запросами.

– Тоже не были на заседании?

– Не были.

– Вот она, совковая действительность, – негодуяще произнесла депутатша. Кстати, почему в запросах обозначен какой-то посторонний телефон?

– Это один из моих телефонов. Я беру на себя функции вашего помощника.

– Какая честь! – жеманно улыбнулась депутатша.

– Я соберу для вас всю информацию, а вы с блеском озвучите ее...

Первым позвонил по телефону помощник деревообрабатывающего министра.

– На Байконуре деревья не растут, и строить там комбинат – идиотизм. И заявляю вполне ответственно, что 22 июля не было никакого заседания.

То, о чем помощник заявил ответственно, было самым важным.

– Запрос зарегистрирован, – ответил Кузнецов, – потому пришлите, пожалуйста, за подписью министра официальный ответ.

– Нет проблем. Но вы намекайте своей шефине, что нехорошо отрывать занятых людей от дела подобной чепухой...

О том, что в означенный день не было никакого заседания Совета министров, сообщили еще шесть министров. Значит, и протоколы, и выписки из них – сплошная липа. На этом он и построил защиту.

Представитель правительства пытался на судебном заседании оспорить первый министерский ответ, но после зачте-

ния остальных растерялся и выглядел довольно убого. Судьям ничего не оставалось, как удовлетворить его иск.

Иностранные журналисты торопливо передавали сообщения в свои агентства. Кузнецова и Калугина поздравляли российские политики – те, что пришли вместе с Меченым.

На другой день Кузнецов удостоился чести быть принятым Плачущим Большевиком. Премьер долго и грустно разглядывал его, затем произнес:

– Жаль, что такие умные люди, как вы, переходят в стан врагов государства, – и отпустил его усталым и брезгливым жестом.

Генерал и самому Кузнецову не нравился, впрочем, как и многие другие клиенты. Но генеральский гонорар был очень даже нелишним в те дни. Наличие валюты у Калугина, отсудившего у государства пенсию, Кузнецова не удивило. За интервью в западной прессе генералу заплатили немало...

В деле Ручкина тоже должен быть тайный, никем не обнаруженный ход. Надо только найти его, а потом на белом коне в Рим.

Федор Ручкин оказался суетливым, говорливым и полным собственной значимости человеком.

– Извините за задержку, – произнес он, появившись в номере отеля. – Встречался с правозащитниками.

Он напомнил Кузнецову майора Лепешкина первых лет перестройки, крикливого, красующегося даже перед самим

собой, пробившегося на скандалах в комиссию по разгону армейских политорганов.

– Мы с Лепешкиным вместе в академии учились, – горделиво подтвердил мысли адвоката Ручкин. – Будили творческую мысль во времена застоя.

Кузнецов прервал его:

– Расскажите, в чем состояло обвинение по вашему предыдущему делу. Как звучало постановление суда. В формулировках будьте как можно точнее.

– Меня обвинили в разжигании межнациональной розни. – Он сделал паузу. – А я обвинил эстонские власти в дискриминации русскоязычного населения. Я отсидел почти полгода.

– Вы были задержаны на двенадцать суток.

– И полгода сидел на подписке о невыезде.

– Вернемся к постановлению суда. Как оно сформулировано?

– Разве запомнишь всю их абракадабру! В общем, оправдали. А теперь требуют депортации. Меня, прожившего в Таллине большую часть жизни!

Ручкин говорил, будто выступал с трибуны. Кузнецов перестал его слушать. В этом деле он был не помощник. Защищать надо не его, как личность, а общину в его лице.

– Мой совет вам, Федюнчик, – не удержался на прощанье от шпильки Кузнецов, – на все вопросы в ходе процесса отвечать односложно: да, нет. Никаких лозунгов и заявлений

для прессы. В этом случае ваша фамилия прозвучит на весь мир, беру задачу на себя.

Ручкин даже изменился в лице от такой приятной перспективы.

– Во всем буду следовать вашим указаниям, товарищ адвокат...

Кузнецов сидел в кафе отеля, когда почувствовал, что кто-то на него смотрит. Скосил глаза направо и увидел высокую блондинку, разглядывающую его с неподдельным интересом. Поймав его взгляд, она мило улыбнулась, поднялась, подошла к столику.

– Не будете возражать, если я составлю вам компанию?

Он хотел буркнуть: «Буду!», но что-то остановило его.

– Садитесь.

И тут же понял, что остановило. Чем-то она походила на Надежду Васильевну, только повыше ростом. Горькой складкой у рта? Длинной шеей?..

– Закажите мне что-нибудь выпить.

Кузнецов подвинул ей меню:

– Заказывайте.

Она спросила:

– Презираете?

– Нет. Понимаю.

– И что вы понимаете?

– Каждый зарабатывает на жизнь, как может.

– Проницательный вы человек.

– По акценту вы – эстонка. С работой у вас проблем не должно быть...

– Я и работаю.

– Где же, если не секрет?

– В Федеральном суде. Бухгалтером.

Кузнецов ничем не выдал, как екнуло сердце.

Заказ она сделала скромный: фужер «Мартини» и мороженое. Приподняла фужер, не решаясь пригласить Кузнецова к тосту. Он сам взял бокал.

– Как вас зовут?

– Рита.

– Меня – Борис. Выпьем за наше партнерство.

– Шутник вы, господин коммерсант.

Кузнецов улыбался, сам же мысленно раскладывал все возможные варианты. Подсадка?.. Не исключено. Значит, чем больше бессмысленного трепа, тем лучше... Случайность?.. Тогда надо учесть чужие уши: и о деле – только на улице...

Он огляделся. Кафе как кафе. Заполнено на треть. Музыка звучит приглушенно. Танцующих и активно жующих пока нет. За стойкой бара мусолили соломинки две длинноногие девицы и прыщавый юнец с кошельком на поясе. Рядом за столиком ужинал плотный, курносый и скуластый немец с седым ежиком волос. Похоже, потомок русского солдата, переспавшего с немкой по праву победителя.

– Предлагаю для начала прогулку на свежем воздухе, – произнес он.

– Не возражаю.

– Я подожду вас у выхода, – сказала она, поднимаясь с кресла.

Официант рассчитал немца и скрылся за тяжелой портьерой. Бундесверец покинул зал. Кузнецов занервничал, ожидая официанта. Тот появился лишь через восемь минут. Адвокат не стал ему выговаривать. Но потребовал сдачу, чтобы наказать за расторопность лишением чаевых. Он не знал, что халдей в его чаевых не нуждался. Их с лихвой компенсировал молчаливый немец за то, чтоб он задержал русского клиента на десять минут.

В вестибюле блондинки не оказалось. Отошла куда-нибудь? Или исчезла, посчитав, что кавалер раздумал гулять по улицам?.. Кузнецов уселся в кресло, взял со столика эстонский журнал, лениво стал перелистывать, ни бельмеса не понимая в текстах. А сам наблюдал за выходом. И все же не заметил, откуда она появилась и как оказалась за его спиной.

– Я и надежду потеряла на прогулку. Не раздумали?

Они шли по ухоженному безлюдному скверику. Идея в голове Кузнецова вызревала. Грехом было не воспользоваться случайным знакомством, даже если блондинка – подстава. Он все равно останется при своих, просто процесс затянется на неопределенный срок. Зато, если вариант сработает, у него появляется шанс.

Он постелил на скамейку газету. Она, не дожидаясь приглашения, села.

– Ну, так что вы имели в виду, Борис, приглашая к партнерству?

На аллее показался прохожий. Старался ступать увереннее, чем получалось, так ходят принявшие на грудь больше нормы и пытающиеся выглядеть трезвыми. Гуляка протопал мимо них. Миновал еще две скамейки и плюхнулся на третью.

Подслушать на таком расстоянии он ничего не мог, даже если б и был в состоянии.

Кузнецов спросил без опаски:

– Значит, вы бедствуете, Рита?

– Увы!

– Хотите заработать триста долларов?

– Для меня это большие деньги. Что я должна сделать?

– Раздобыть телефон секретаря шефа политической полиции. Позвонить из здания суда, когда судьи разойдутся, и произнести по-эстонски текст, который я напишу по-русски. И сразу положить трубку.

– Это все?

– Да.

– Согласна.

– Опять адвокат хочет влезть в дело через задний проход, – проговорил Пилот, выслушав Ритуню. – Рискует му-

жик, идя на откровенную авантюру.

– Но ты ведь не охотишься за ним, Юри? Он очень личный человек.

– Успокойся. Не охочусь, а помогаю... Ты никого не заметила в скверике?

– Был там один пьяный.

– Это его охранник, Ритуня.

– С ума сойти можно! Никак бы не подумала... Адвокат знает о нем?

– Нет.

– Ты все такой же, Юри. И игры у тебя те же.

– Другого я ничего не умею. – Пилот виновато улыбнулся. – Номер телефона тебе сложно узнать?

– У председателя есть такой справочник, но мне до него не добраться.

– Я все узнаю сам. И сделаю так, чтобы полицейский шеф отсутствовал, когда ты будешь звонить... Во сколько судьи расходятся?

– Редко кто задерживается после трех.

– Звони, когда разойдутся. А сейчас, извини, я должен переговорить с Ригой. Тебе лучше не слышать этого разговора.

Увидев, как на ее переносицу легла складка, Пилот погладил ее по голове.

– Не надо хмуриться, Ритуня. Но есть вещи, которые лучше не знать.

– Рижский абонент из Системы?

– Нет. Он – Учитель.

Она непонимающе и с немым вопросом глянула на него.

– Мне нужна его помощь, Ритуня. Позвоню и поеду на встречу.

– На ночь глядя?

– Иначе не успею.

5

За километр до латвийской границы Пилот заметил в условном месте силуэты двух автомобилей, приткнувшихся к обочине. Велел таксисту проехать метров сто и остановиться. Прихватил клюшку-стиллет и вернулся по пустынно-му шоссе.

«Мерседес-600» и патрульный «ниссан» оставались темными и безмолвными. Пилот остановился у дверцы «мерседеса». Люди появились из «ниссана». Пилот спиной ощутил их молчаливое присутствие. Боковое стекло бесшумно скользнуло вниз. Водитель высунул руку ладонью вверх. Пилот вложил в нее маляву Туза.

– Пушку! – потребовал голос из салона.

– Кроме клюшки, ничего нет, – ответил Пилот. И тут же почувствовал, как четыре руки умело обшарили его.

– Не врет, – подтвердил один из охранников.

На заднем сиденье мелькнул световой лучик. Похоже, пассажир читал при свете фонарика. Затем задняя дверца при-

глашающе распахнулась. Пилот шагнул в салонное нутро. Зажглись матовые плафоны.

Смотрящий за Прибалтикой Учитель был полной противоположностью Тузу. Он больше походил на творческого работника. Модный пестрый пиджак, очки с тонкими золотыми дужками, слегка растрепанные рыжеватые волосы...

Плафоны горели не больше полминуты, и салон погрузился в темноту.

– Свет – в знак доверия? – спросил Пилот.

– Как компенсация за моральный ущерб при обыске.

«Феней» от прибалтийского авторитета не пахло.

– Как поживает мой крестный? – спросил он.

– В заботах.

– Это его стезя. Особенно при такой богатой волости, как Московская.

– В Прибалтике тоже крутятся большие деньги, – ответил Пилот.

– Рад выполнить любую просьбу крестного. Что от меня требуется?

– Номер телефона приемной начальника политической полиции Эстонии. И чтобы завтра после трех он отсутствовал в своем кабинете.

Учитель хмыкнул, что означало: стоило ли по такому пустяку беспокоить серьезного человека?

Он достал сотовый. Абонент откликнулся тотчас.

– Янис! – произнес в трубку крестник Туза. – Все номера

телефонов таллинского Крашеного... Свяжись с Мулаткой. Пусть возьмет завтра в оборот Крашеного сразу после ленча. И не отпускает его до полночи... Жду.

Пилот подумал, что точно так же когда-то было и в их Конторе: любая вводная решалась в считанные минуты.

– Записывайте телефоны, – сказал Учитель после того, как абонент снова вышел на связь. – Приемная... Личный... Вертушка... Домашний...

– Спасибо.

– Может, чем еще помочь? Парой пехотинцев? А то, смотрю, прибыли без сопровождения.

– К друзьям можно и без эскорта, демаскирует.

Перед тем, как исчезнуть, Пилот сказал:

– Вот вы, латыш, помогаете мне, русскому. Национальное самолюбие не препятствует вам?

– Мне плевать на это. И плевать на то, кто какой национальности. Пусть этим занимаются политики.

– Желаю вам быть, – попрощался Пилот.

– Передавайте крестному привет. Пусть приглядывает за Зурабом. Его волки в Питере начали шарить. Сунулись и в Ригу, но получили укорот...

Завтракал Кузнецов в номере. Пил кофе, просматривал московские газеты, которые раздобыла ему за приличное вознаграждение горничная. В «Брехунце» обнаружил весьма любопытную заметку. Сообщалось, что объявлен в ро-

зыск преступник по фамилии Акинолос. Подозревается в совершении двух убийств на территории России. К розыску подключен Интерпол. В конце корреспондент сообщал, что преступник имеет документы греческого подданного, хотя родом из Сибири, и в настоящее время задержан полицией Италии.

Кузнецов вспомнил визит красивой потаскушки, свой совет ей. Похоже, что за ней стоит серьезная сила, способная оплатить даже дачный фрегат. Заметка в газете напомнила Кузнецову о безуспешных попытках связаться с Вовочкой по телефону. Его контракт с банкиршей должен уже закончиться, так что всего скорее он дома.

Однако на телефонный звонок Вовочка не отозвался. Он позвонил Наталье Марковне. Та откликнулась сразу. Выслушав своего шефа и покровителя, обещала все выяснить и, если потребуется, помочь. Не успел Кузнецов положить на рычаг трубку, как снова был вынужден ее поднять.

– Не разбудила вас? – узнал он голос вчерашней блондинки.

– Нет. Как наше партнерство? Имеет продолжение?

– Имеет. Я выхожу на работу. Мы могли бы встретиться в том же скверике.

– Договорились.

Он едва узнал ее: в распахнутом светлом плаще, открывающем черный деловой костюм, она совсем не походила на себя, вчерашнюю. Странная все же дама. Но игра началась,

и сдавать назад не имело смысла.

– Вот текст, Рита. Прочитайте вслух и произнесите его по-эстонски.

Она пробежала по листку глазами, затем прочла вполголоса: «Здравствуйте. С вами говорит заведующая секретариатом Федерального суда. По вновь открывшимся обстоятельствам заведено уголовное дело на Федора Ручкина. Просим до 17 часов прислать с курьером его архивное дело за прошлый год. Телефонограмму передала...»

– Кто передал? – спросила она.

– Назовите фамилию заведующей секретариатом.

– Я позвоню, когда уйдут судьи.

– Правильно.

– Вот вам сто пятьдесят долларов. Остальное – позже.

– Готовьте денежки, – улыбнулась она...

К зданию суда Кузнецов подъехал на такси в 15.30, хотя и понимал, что запас времени у него – не меньше часа. Но лучше иметь ефрейторский зазор, чем играть в догонялки. Огляделся. Обнаружил напротив скамейку под голым тополем. Пристроил на нее оттягивающий руку портфель, присел, постелив целлофановый пакет. И зарядился терпением.

Время от времени массивная дверь выкидывала на улицу служителей Фемиды, спешащих к припаркованным иномаркам. Покинул здание и председатель суда, его проводил по ступенькам рослый рыжеватый полицейский.

Начал накрапывать дождь. Кузнецов достал из портфеля зонт, прикрылся от редких капель.

Шел уже пятый час. Через 10 минут после семнадцати он покинет свой наблюдательный пункт. Значит, с армянским сносом прокол.

За две минуты до обозначенного срока у здания остановилась машина политической полиции с двумя синими маячками. Из нее вылез толстячок в шляпе и с дипломатом, торопливо взбежал на крыльцо, и дверь проглотила его. Через минуту снова распахнулась и выпустила Риту. Мгновение она постояла на крыльце, скользнула равнодушным взглядом по Кузнецову, тряхнула светлыми волосами и, не обращая внимания на дождь, поплыла по улице с сумочкой через плечо.

Еще минут через пять толстячок с дипломатом просеменил к родимой полицейской машине. Выпустив густое газовое облако, она фыркнула и укатила.

Кузнецов пересек улицу, толкнул дверь. Уверенным движением протянул полицейскому бумагу, удостоверяющую его адвокатские полномочия.

– В семнадцать меня ждут в секретариате.

Полицейский разрешающе приподнял ладонь.

В секретариате три девицы пили из миниатюрных чашечек кофе.

– Девочки! – укоризненно произнес Кузнецов. – Погода не для кофе. – Раскрыл портфель, выхватил три бутылки шампанского, жестом фокусника водрузил их на стойку. К шам-

панскому добавил шесть плиток шоколада.

– Это нам? – деловито и без особого удивления спросила по-русски дива, похожая на большую белую рыбу.

– Вам. – И предваряя вопрос, объяснил: – Председатель по моей просьбе запросил прошлогоднее дело Федора Ручкина. Я должен оперативно с ним ознакомиться. Позвоните мне завтра в отель, когда его привезут, – протянул визитную карточку с написанным от руки гостиничным номером.

– А его уже привезли! Можете хоть сейчас знакомиться. Садитесь вон за посетительский столик и знакомьтесь.

Большая Белая Рыба протянула ему три пухлых тома. Прочитать их все не хватило бы и ночи. Но глаз у него был наметан, он знал, где можно выловить информацию. Стенографировал отдельные высказывания свидетелей, защитника и даже прокурора.

Новое обвинение Ручкина слово в слово повторяло прежнее. Однако даже прокурор не мог привести сколь-нибудь веские доказательства. Действия Ручкина скорее напоминали мелкое хулиганство. Драка с юным националистом, приехавшим к родственникам из Риги. В ней Ручкин победителем явно не выглядел. Обзывал блюстителей закона фашистами, требовал в своих выступлениях на митингах двойного гражданства. Все это были лозунги.

Сюрприз поджидал Кузнецова в самом конце третьего тома. Между листками сиротливо замаячили аудиокассета и не подшитый в дело свернутый пополам лист бумаги. Это была

служебная докладная, подписанная следователем. Написана она была на эстонском, но кому-то понадобилось перевести ее на русский:

«Докладываю, что состава преступления в действиях Ручкина не обнаружил, хотя и квалифицирую их по статье... Считаю, что его следует сохранить в качестве лидера русскоязычной общины. Ручкин себялюбив, не умен, легко поддается на провокации. Эти качества можно использовать в наших интересах...»

Толковый следователь, подумал Кузнецов, правильно охарактеризовал Ручкина.

Кассета, вероятно, тоже содержала какую-либо информацию. Кузнецов покосился на девиц. Они откупорили новую бутылку шампанского и не обращали на него никакого внимания. Он сунул в карман кассету вместе с докладной.

– Хватит вам писать, господин адвокат! – услышал он голос Белорыбицы. – Делайте закладки. Ксерокс в вашем распоряжении. Присоединяйтесь к нам...

У нее он и ночевал. И постарался в грязь лицом не ударить. Ушел от нее рано, оставив на тумбочке сто долларов в знак признательности.

Судья был воплощением законности и беспристрастности.

– Есть у защиты вопросы к свидетелю?

– Нет, ваша честь.

Прокурор хмурился.

Этот московский адвокат ведет себя, по меньшей мере, странно. Не подготовил ни одного свидетеля защиты. В третий раз отказывается от перекрестного допроса. Он что, решил сдаться без боя?..

– Прошу пригласить свидетеля господина Вайнэ, – произнес прокурор.

Это был тот самый следователь, чью докладную Кузнецов обнаружил в уголовном деле.

– Расскажите суду, – бодро начал прокурор, – как господин Ручкин вел себя во время допросов?

– Не господин, а товарищ! – выкрикнул со своего места Ручкин.

– Вел себя безобразно, – заговорил свидетель-следователь. – Плевался, обозвал меня недоделанным и пособником сионизма. Нашу многострадальную республику назвал поганой.

Присяжные переглянулись. Судья насупился. Прокурор победно покрутил ус, кинул взгляд на представителей прессы. Те заклацали фотоаппаратами.

– Господин Вайнэ, – продолжал прокурор, – вы вели следствие по его прежнему уголовному делу. В чем обвинялся господин-товарищ Ручкин?

– В нанесении легких телесных повреждений гостю из дружественной Латвии. В организации несанкционированных митингов, на которых звучали призывы к свержению за-

конно избранной власти. Суд признал его виновным.

– У меня больше нет вопросов.

– У защиты? – спросил судья.

– Есть.

Кузнецов встал. Не спеша пошелестел бумагами. Зал притих.

– Господин Вайнэ, когда Федор Ручкин нелестно отзывался об Эстонии? Назовите месяц.

– Март прошлого года.

– То есть когда вы вели следствие по его уголовному делу? Так?

– Так.

– Не было ли его неэтичное заявление спровоцировано?

– Вопрос не корректен, – вмешался судья.

– Сформулирую иначе: в ответ на какой вопрос или какую реплику Ручкин нелестно отзывался о вашей прекрасной республике?

– Мне трудно сейчас вспомнить.

– Постараюсь освежить вашу память. Ручкин сказал: «Эты Россию называешь тупым агрессором? Тебя Россия выучила, а не поганая Эстония!..» Ваши слова в протоколе не зафиксированы. Но они сохранились на магнитофонной ленте.

Свидетель растерянно уставился на прокурора. Тот побагровел. Присяжные зашептались.

– Прошу высокий суд, – поднялся Кузнецов, – принять в

качестве доказательств невиновности моего клиента аудиокассету, третья минута после начала допроса. В ксерокопии протокола допроса, страница 56.

Вернувшись на свое место, Кузнецов повернулся к свидетелю:

– Вам известно, какое наказание грозит за лжесвидетельство?

– Известно.

– Усмотрели ли вы в действиях Федора Ручкина состав преступления по статье: разжигание межнациональной розни?

– Свои выводы я изложил в обвинительном заключении.

– Следует ли ваш ответ понимать как утвердительный, господин Вайнэ?

Тот неприлично надолго затянул паузу.

– Следует... Утвердительный.

Кузнецов снова пошелестел бумагами.

– Прошу разрешения высокого суда зачитать еще один документ: «Докладываю, что состава преступления в действиях Ручкина не обнаружил... Считаю, что его следует сохранить в качестве лидера русскоязычной общины...» Документ адресован шефу политической полиции, датирован маем прошлого года, зарегистрирован под номером 16 дробь 387. Подписан господином Вайнэ... Свидетель, когда вы были правдивы: тогда или сейчас, в зале суда?

– Протестую! – возник наконец прокурор.

– Протест отклоняется, – сказал судья. – Отвечайте, свидетель!

– Мне нечего ответить.

– Прошу суд приобщить ксерокопию документа к делу, – произнес Кузнецов. – У меня больше нет вопросов.

– Суд удаляется на совещание, – объявил председательствующий.

Публика с шумом стала вываливаться из зала. Краем глаза Кузнецов заметил направлявшуюся к выходу блондинку Риту. Затем его окружили журналисты. Застрекотала телекамера. Посыпались с разных сторон вопросы, на которые он отвечал одним словом:

– Без комментариев...

Лишь через два часа суд возвратился из совещательной комнаты. Судья долго и нудно зачитывал постановление, хотя суть его была проста и груба, как подошва солдатского ботинка: иск господина Ручкина удовлетворить, решение первой судебной инстанции о депортации отменить...

Спускаясь с крыльца, Кузнецов обратил внимание на своего подопечного. Тот стоял с победно поднятыми руками возле «запорожца». Его восторженно провожала толпа старушек и едва достигших совершеннолетия юнцов в кожанках...

Добравшись до своего номера, Кузнецов позвонил Рите.

– Насколько я помню, нам предстоит еще одна встреча.

– Спасибо и до свиданья, мы полностью с вами в расчете, – и повесила трубку.

Кузнецов не понял ее маневра. Получается, что женщина за здорово живешь отказалась от полутора сотен долларов. Факт не поддавался объяснению.

А оно было рядом. В дверь решительно постучали:

– Войдите.

Кого угодно мог увидеть Кузнецов, только не скуластого седоватого немца, ужинавшего в кафе за соседним столиком. Но в номер шагнул именно он.

– Поздравляю, Борис Аркадьевич. Вы с блеском выиграли процесс, – сказал он по-русски.

– Спасибо, – быстро пришел в себя Кузнецов.

– Теперь вас ждет Рим и дело Акинолоса. Добьетесь его передачи органам родного правосудия – оговоренный с дамой гонорар ваш.

– Я еще не получил аванса.

– Аванс, пятая часть от оговоренной суммы, находится в вашей квартире в дипломате. Договор составьте сами, завтра утром я готов подписать его. У меня есть такие полномочия... Билет на вечерний римский рейс вам заказан.

Кузнецов слегка растерялся от такого натиска. Да и неожиданность визита сыграла роль. Выходит, он был под колпаком с момента приезда в Таллин. Его пасли и блондинка Рита, и этот, притворявшийся немецким туристом человек.

– Может быть, вы соизволите представиться, господин заказчик?

– Юрий Сергеевич. Какие документы вам понадобятся в Риме?

– Досье клиента, включая документы по розыску преступника. Запросы о выдаче его российскому правосудию. И обеспечьте переводчика.

– Ответьте-ка, Юрий Сергеевич, блондинка – ваш человек?

– Мой.

– Понятно. С Вовочкой тоже ваши люди поработали?

– Я не знаю человека с таким именем.

– Степан Вовочкин, частный детектив.

– Я с ним не знаком. Предлагаю вам выехать со мной на машине. Через десять часов будем в Первопрестольной.

– Только до Питера. Дальше – «Красной стрелой». Отосплюсь в поезде и приведу мысли в порядок.

– Как угодно, Борис Аркадьевич. Выезд через три часа.

«Отставник бундесвера» высадил Кузнецова в Питере на Московском вокзале.

– До встречи утром! – сказал и укатил.

С билетами в вагон СВ проблем не было: сезон отпусков давно закончился. Кузнецов занял свою полку в купе, переоделся. Второе место пустовало. Однако перед самым отходом поезда дверь откатилась, и в купе появился невысокий,

невзрачный лицом и сколоченный, словно для уличных потасовок, мужичок в длинном кожаном пальто и дорожной, выдавшей виды сумкой. Не молодой, но и не в возрасте – самая пора утверждать себя и расталкивать локтями соперников.

– Привет соседу! – объявил и плюхнул на застланную постель сумку.

Повесил на вешалку пальто, оставшись в джинсах и в свитере толстой вязки. Достал из сумки курицу, полбуханки хлеба, помидоры и бутылку коньяку.

– Врежем, сосед? – спросил.

Нагловатая самоуверенность сквозила во всем его облике. Всего скорее был он из волонтеров доблестной армии челноков, призвавшей в свои ряды тех, кто не хотел смириться с нищенским прозябанием. Такие с риском зарабатывают деньги и без риска тратят их, не думая о будущем. Зато на отдых с женой или с любовницей – в Анталию или на Кипр – пожалуйста! И с размахом просаживают заработанное, чтобы снова пуститься в ненадежный путь «купи-продай», именуемый в не столь уж давние времена позорным словом «спекуляция».

Кузнецову такие люди были даже симпатичны: не раскисали, не ныли. Потому он, хотя и не было никакого желания выпивать, согласно кивнул.

В казенные чайные чашки тот набулькал коньяку так, что в бутылке осталась ровно половина.

– Будем!

Кувыркнул в рот чашку, содержимое мгновенно исчезло в желудке.

– Тебя как зовут, сосед?

– Борис, – неохотно ответил Кузнецов. Он не любил случайных знакомств.

– А меня – Саня. Фамилия – Феокистов... Докуда едешь?

– До Москвы.

– А я – до Бологого, – заглянул в чашку Кузнецова. – Ты чего только пригубил?

– Не привык такими дозами.

– У нас в Бологом таких, как ты, нет. Все пьют: и мужики, и бабы. Сами гонят, сами пьют. А я, как стал заниматься коммерцией, самодуровку не потребляю.

А поезд уже покинул Питер и набрал скорость. За окном плыла сплошная темень, изредка нарушаемая огнями путевых прожекторов.

Кузнецов от выпитого пришел в благодное состояние. И если б не болтливость попутчика, он бы спокойно поразмышлял о том, что дал ему процесс в Эстонии. Но Саня из Бологого не давал ему возможности размышлять.

– Я думаю, Боря, что ты – большой чиновник: в СВ катаешься. И не за свои кровные, как я... Правильно догадался?

– Правильно, – соврал Кузнецов.

Ему вдруг показалось, что где-то он уже видел этого человека.

– Мы с вами нигде не встречались? – спросил.

– Боря! – укорил Саня из Бологого. – Почему на «вы»?..

Не люблю выкать. Вроде как враги-дипломаты. А насчет «встречались» – все может быть.

– Я работал в Эстонии, – подсказал Кузнецов.

– Не люблю прибалтов. То ли дело Питер! Друг у меня там. Служили вместе срочную. Оженился наконец. Три дня свадьбу справляли... Выходит, в Питере мы пересечься не могли. Зато вот в поезде познакомились... Ну, давай еще по одной.

Он взялся за бутылку. Кузнецов прикрыл свою чашку ладонью:

– Мне хватит, Саня. С утра работать.

– Я и говорю: чиновник – человек подневольный. Ни на лево, ни направо.

Сосед выпил свой коньяк. Вылил в свою чашку кузнецовские остатки.

– Давай, Боря, укладывайся. Успеешь соснуть до Москвы. А я посижу...

Кузнецов уснул, и сон его был глубок, как артезианский колодец. Он не слышал, когда сошел в Бологом рубаха-парень Саня Феоктистов. Тем более не предполагал, что тот, ступив на пустынную платформу, быстренько набрал московский номер дежурного по бункеру:

– Докладывает Рыбак. Объект в седьмом вагоне, отдыхает. Выезжаю из Бологого завтра своим ходом...

Ленинградский вокзал встретил Кузнецова колготней и прилипчивыми таксистами. Встречавший его шофер Миша подхватил пузатый портфель, и они зашагали к автостоянке.

– Доброе утро, Борис Аркадьевич!

Перед ним собственной персоной объявился Юрий Сергеевич, свежий, гладковыбритый, будто и не провел ночь за рулем. Взял Кузнецова за локоток:

– Прошу вас ненадолго в мой лимузин...

Сели на заднее сиденье. Хозяин захлопнул дверцу. Раскрыл папку.

– Это бланк договора на юридическое обслуживание «Нордбанка». Подписи и печати на месте. Срок действия не ограничен... Заполните свою половину и подпишите... Документы по Акинолосу вам вручат перед отлетом. Кроме того, что вы упомянули, даю вам информацию из досье. Запас карман не тянет, верно?

Кузнецов не ответил, ожидая продолжения.

– И вот вам телефончик. Когда Акинолосу понадобится официальное сопровождение в Россию, позвоните. Сопровождать его будут люди из МВД. Свой билет выкупите в депутатском зале. Место переводчика – в соседнем кресле. О вашем приезде римский трибунал поставлен в известность инстанцией самого высокого уровня... У вас вопросы есть?

– Нет.

Шофер Миша ждал его у открытой дверцы джипа.

– Домой, с заездом к Вовочкину...

Дверь открыла Наталья Марковна. Увидев Кузнецова, всплеснула руками.

– С приездом, Борис Аркадьевич! Ох, не права я была, когда отговаривала от эстонского дела...

– Как себя Вовочка чувствует?

А тот сам появился в дверях, в халате, из-под которого выглядывали мосластые ноги.

– Нормально, – ответил Вовочка.

– Что стряслось с тобой, сыскарь? – спросил тот.

– Н-не знаю. Черная дыра в памяти.

– А до черной дыры?

Они прошли в комнату. Вовочка сел на диван.

– Меня вытащил из постели банкирши мужик с морщинистой мордой. Тот, которого я срисовал в Лихославле. Сделал меня, как сопляка. Потом отвез в какой-то бункер без окон... Очнулся дома. Моя пушка на стуле рядом. Но живой, как видишь.

– А сейчас как самочувствие?

– Нормально.

– Ладно, отлеживайся и приходи в норму...

Дома Кузнецов первым делом прошел в свой кабинет. На столе стоял дипломат с цифровым кодом. В нем лежали двадцать упаковок по десять тысяч зеленых. «Нордбанк» не

жадничал, авансировал с размахом... Он с удовлетворением перебрал пачки и видел мысленно дачный фрегат среди береговых сосен.

И все же чего-то ему не доставало. Чего? И вдруг понял. Кузнецов вытащил одну пачку, разорвал упаковку, бросил в ящик письменного стола. Дипломат захлопнул, сунул под диван. Взял телефонную трубку и набрал номер.

Надежда Васильевна оказалась дома. Похоже, она обрадовалась его звонку.

– Я уже читала, Борис Аркадьевич, как вы провели процесс в Таллине...

– Надя, мне надо вас срочно увидеть, – прервал ее Кузнецов, – берите такси и приезжайте ко мне, адрес... У меня очень мало времени. Вечером улетаю в Рим. Первый правый подъезд от арки. Дверь металлическая. Код... Жду. – И отключился.

Он почему-то был уверен, что она приедет. Принял душ. Побрился. Натянул легкий спортивный костюм. И стал ждать...

Встретил ее в дверях.

– Здравствуйте, – неуверенно произнесла она.

Он не ответил. Закрыл дверь на засов. Повернулся к ней. В глазах ее плавала растерянность. Коснулся бровей, щек. И обнял.

– Не надо, – прошептала она.

Но когда он нашел ее губы, сама обхватила его шею рука-

ми. Плащ ее остался лежать у порога, шляпка – на телевизоре в холле. От сапог он ее освободил, когда занес в спальню. А дальше все провалилось в небытие.

Потом они сидели за столом и пили кофе.

– Я должен через полчаса поехать в офис, – сказал он.

Прошел в кабинет, достал из ящика стола стопку зеленых и запасные ключи. Вернулся. Положил перед ней на стол.

– Деньги и ключи от квартиры. Я научу тебя, как открывать дверной замок.

Она вспыхнула, глянула на него в упор.

– Я ничего не возьму, Борис Аркадьевич. Боюсь, что мы не поняли друг друга.

– Не надо отчества, Надя. Забирай дочку, и переезжайте ко мне. Чувствуй себя здесь хозяйкой.

Кровь отлила от ее лица. В глазах появилось смятение, но она не отвела их.

– Это что, Борис, официальное предложение руки и сердца?

– Так точно.

– Давай отложим все до твоего возвращения...

Римские «каникулы»

1

Председателем Римского трибунала оказался низенький, тучный и улыбчивый коротышка, весь светившийся доброжелательностью. Он усадил Кузнецова в кресло у приставного столика, сам втиснулся в такое же кресло напротив. Переводчик не понадобился, трибуналец сносно говорил по-русски, хотя совершенно игнорировал падежные окончания.

– Что будет выпить, синьор Ухано? – щелкнул себя по горлу.

– Кофе, – ответил Кузнецов.

Коротышка сделал удивленное лицо.

– Русский мужик любить водка. Большой смертный доза.

– Я не пью на работе спиртное.

– Это есть хороший правило.

Острогрудая смуглянка вкатил в кабинет столик с узорной бутылкой в центре, бутербродами и кофейником. Разлила кофе по крохотным чашечкам.

– Москва – криминал-город, – сказал итальянец, отхлебывая кофе. – Перестройка есть криминал-демократия.

– Увы! – согласился Кузнецов.

– Русский мафия имеет длинный рука и нога.

– Итальянская – тоже.

– Наш мафия Россия нет. Ваш есть Европа. Есть Италия.

– Вы имеете в виду Акинолоса?

– Нет. Акинолос греческий.

– По национальности он грек. Но является российским подданным.

– Он говорит, что есть греческий подданный. Документы – Греция. Имеет маленький недвижимост Кипр.

– Его документы – фальшивка, – продолжил Кузнецов, раскрывая папку, врученную ему перед отъездом Юрием Сергеевичем. – Вот фотографии его родителей. А это – его две фотографии: после окончания школы и во время службы в армии. Это – дом, где он родился и вырос, в сибирском селе Уваровка.

– О-о! Сибирь! Большой, холодный, бр-р! – показал знание географии итальянец. – Мой папа был Сибирь, война, плен...

– Акинолос совершил в России несколько преступлений и разыскивается как опасный преступник.

Кузнецов пододвинул к нему папку.

– Здесь ходатайства российской стороны о его выдаче нашим правоохранительным органам.

Председатель трибунала разложил перед собой документы. Лицо его враз изменилось: из благодушного превратилось в строгое, взгляд стал цепким и острым. Сначала внимательно разглядывал русский текст и печати на запросах,

затем пробежал глазами перевод. Прочитав просьбу Виолетты вернуть ее мужа Акинолоса в Россию, чтобы она могла навещать его, он недоуменно взглянул на Кузнецова.

– Здесь есть другой синьора Акинолос. Просил свидание.

– Это не жена. Жена в России. В папке есть копия свидетельства о браке. В Рим Акинолос приехал с любовницей.

– О-о! Понимаю. Русский – тьолка?

– Телка – это уличный жаргон.

– Римский бамбино стал звать свой подруга «тьолка». Молодой коровка.

Он опять стал светским человеком и гостеприимным хозяином. И Кузнецов подумал, насколько служители местной Фемиды отличаются от своих замотанных делами российских коллег и даже от официально вежливых эстонских судейских.

Трибуналец вызвал секретаршу, сказал несколько фраз, протянул ей визитную карточку Кузнецова. Пояснил по-русски:

– Я решать ваш контакт с Акинолос. Завтра, в 10 часов. Решение депортация решать там, – он поднял палец вверх. – Хотите посетить опера, синьор Ухано?..

– Возможно, когда будет время.

– Всегда ваш слуга, – сказал он на прощанье.

Без пятнадцати десять Кузнецов и переводчик Толик были на берегу Тибра. Здесь находилась римская тюрьма. От

реки ее отделяли автомобильное шоссе и две пешеходные асфальтированные дорожки. Если бы не рослый карабинер у входа, Кузнецов и не подумал бы, что за стенами этого средневекового замка обитают заключенные. Ни прожекторов, ни вышек с часовыми, ни колючей проволоки по периметру, столь знакомых атрибутов российских казематов.

Переводчик Толик, худой долговязый очкарик, с любопытством крутил головой и помалкивал. Ему хорошо заплатили, чтобы он раскрывал рот только по необходимости. Да и не было пока в его услугах особой нужды. Работники юстиции свободно изъяснялись на английском, которым адвокат владел в совершенстве.

Без пяти десять они вошли в большой мраморный вестибюль. Он был тих и безлюден. Окошко бюро пропусков не напоминало амбразуру, было большим и светлым. В нем маячила голова дежурного в фуражке с высокой тульей. Он оглядел посетителей, мазнул взглядом по фотографиям в документах.

– Если имеете при себе мобильный телефон, прошу сдать на временное хранение, – сказал он на английском.

Мобильных телефонов при себе у них не было, дежурный поверил им на слово. С доброжелательной официальной вручил пропуска.

Они поднялись по эскалатору на второй этаж, где располагались кабинеты адвокатов. Их встретил следователь, седой, плечистый и элегантный, как белый рояль. Он провел их

в просторную приемную и указал на одну из четырех дверей.

– Полистай здесь прессу, Анатолий, – велел Кузнецов переводчику.

Тот уселся в кресло. Адвокат шагнул за следователем в кабинет.

– Что инкриминируется Акинолосу? – спросил Кузнецов.

– Он подозревается в подготовке и организации взрыва дома Луиджи.

– Насколько я наслышан, одна из версий состоит в том, что российский криминал прислал его как раз в помощь Луиджи в разборках с конкурентами?

– Если так, то конкуренты его перекупили.

– Какими доказательствами располагает обвинение?

– Вы же юрист, сеньор! Тайна следствия есть тайна.

– Российская сторона ходатайствует о выдаче этого опасного преступника.

– Я – за. Нам своих мафиози хватает. Между нами, я даже доволен, что семейка Луиджи взлетела на воздух. Он одиннадцать раз уходил от правосудия. А что касается вашего грека, то сегодня в 16 часов предстоит его опознание.

– Значит, у обвинения недостаточно доказательств?

– Я этого не говорил...

В дверь постучали, и карабинер ввел арестованного. Следователь вышел вслед за карабинером.

– Садитесь, Акинолос, – показал Кузнецов на кресло.

Тот остался стоять. Руки за спину, лицо бесстрастное.

Кузнецов повторил приглашение. Акинолос пробормотал что-то по-гречески.

– Не ломайте комедию! Я – российский адвокат и работаю в ваших интересах. Передаю фразу, сказанную известным вам лицом: «Пилот требует возвращения на Родину. Белый организует встречу на кордоне».

– Слушаю вас, – ответил по-русски Акинолос, усаживаясь в кресло.

Кузнецов невольно остановил взгляд на правой кисти: она была четырехпалой, мизинец отсутствовал. Он вгляделся в его лицо. Нос с легкой горбинкой, прижатые к голове уши...

– Я слушаю, – повторил Акинолос.

– Вы не должны настаивать на своем греческом подданстве. Участие во взрыве Луиджи отрицайте. Моя интуиция подсказывает, что против вас только косвенные улики. Признайтесь в ликвидации двух ваххабитов в Москве. Не по заказу, а из патриотических побуждений, это произведет благоприятное впечатление. Общественное мнение сейчас против террористов.

– А если я откажусь возвращаться в Россию?

– Тогда палермцы узнают, что вы ликвидировали их крестного отца. А оставшиеся сторонники Луиджи – что вы причастны к взрыву. И те, и другие объявят на вас охоту и сделают трупом.

– Итальянцы могут отказаться выдать меня.

– Это моя забота. Кстати, я привез с собой слезное про-

шение вашей супруги вернуть горячо любимого мужа, чтобы он отбывал срок на родине.

– Чушь, господин адвокат! У меня никогда не было супруги.

– Теперь есть. Ее зовут Виолетта.

– Что? Эта минетчица?.. В гробу я ее видел!

– Разберетесь, когда вернетесь в Россию.

– Что меня там ждет?

– Работа, которой вы занимались прежде.

– Для этого я должен быть свободен.

– Это забота Пилота...

Акинолос откинулся в кресле, прикрыл глаза. На лице его не читалось ни чувств, ни мыслей.

– Что вы решили, Акинолос? – спросил.

– У меня нет выбора.

– Мы с вами встретимся в 16 часов. На это время вызваны свидетели, видевшие вас у дома Луиджи...

Кузнецов нашел кнопку звонка. Вошедший карабинер показал Акинолосу на выход.

Пятеро стояли у стены. Все одного роста, все в клетчатых пиджаках и одинаковых замшевых туфлях. Акинолос стоял слева. Свидетелей они не видели, окно с их стороны было непрозрачным. Сами же были как на ладони.

Кузнецов подумал: оберегают свидетелей. Не то что у нас.

Первой в свидетельский отсек вошла грузная, моложавая

лицом дама. С ходу затараторила. Переводчик Толик шептал на ухо Кузнецову:

– Говорит, что у нее прекрасная память на лица. Стоит один раз ей кого-нибудь увидеть, моментально в памяти фотокарточка этого человека.

Седоусый представитель прокуратуры с трудом остановил ее. Предложил указать ей одного из пятерых, которого она видела в уличном колодце возле особняка Луиджи. Она, не задумываясь, указала на среднего. Затем взгляделась в Акинолоса, поджала губы и ткнула в него. Но тут же решительно замотала головой и снова кивнула на среднего.

– Говорит, что признала его окончательно, – зашептал переводчик, – что ни с какими другими не спутает его свинячьи глаза.

Даму выпроводили. Следовательно, приоткрыв оконце, сказал опознанному:

– Лоренцо, приношу извинения за «свинячьи глаза».

Пригласили второго свидетеля. Это был пожилой лысоватый мужчина. Он вглядывался поочередно в каждого. Затем наклонил голову, произнес:

– Дело в том, что я хиромант. Чаще всего имею дело с ладонями рук. Тот человек был в матовых резиновых перчатках.

– Будьте любезны, подождите еще некоторое время в холле. Мы пригласим вас еще раз...

Минут через пятнадцать все пятеро были в перчатках.

Свидетель лишь бросил взгляд на их руки. И еще до того, как указал на опознанного, в голове Кузнецова замкнуло цепочку: «Он!»

На адвоката навалились сумерки. Веки стали тяжелыми, словно придавленные подушкой. Но, видимо, он сумел их приоткрыть. Увидел чужую безжизненно-желтую кисть, вытаскивавшую из его кармана диктофон. Это была кисть Акинолоса.

Получается, что к этому мерзавцу, сибирскому греку, он имел личный интерес ценой в два зуба и больничное безделье. Значит, просто обязан вытащить его в Россию. Как минимум по двум причинам. Обещанный гонорар – далеко не последний фактор. Терять его – глупо. К тому же итальянская камера с цветным телевизором и обязательным занятием спортом слишком жирно для него.

Опознание завершилось, и Кузнецов с переводчиком вернулись в отель.

И все же колесо забуксовало. Хотя видимых причин для этого не было. Акинолоса опознали двое свидетелей из трех. Итальянская фемида совсем не возражала, чтобы сбавить русского грека. Но, видимо, и она была не всесильна.

Кузнецов навещал Акинолоса ежедневно. Не сдержался лишь в первую встречу после очной ставки.

– Вы, надеюсь, узнали меня, Акинолос?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.